



НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Игорь КОНЫЧЕВ

ОКОВЫ СУДЬБЫ



Игорь Коннычев

Оковы судьбы

«ЭКСМО»

2014

Коньчев И. Н.

Оковы судьбы / И. Н. Коньчев — «Эксмо», 2014

Владение магией не гарантирует безопасности... По воле короля маг Алан Рэвендел расследует серию жестоких убийств, которые происходят в Нэрфисе – столице королевства Аластрии. Странные это убийства. Кто-то зверски расправляется не только с членами Гильдии кукловодов, но и с их подопечными, марионетками, которые неотличимы от живых людей. Положение Алана осложняется еще и тем, что загадочный убийца преследует и его возлюбленную Кристину Кравен, о которой молодой маг заботится с детских лет. Алан и не подозревает, что нити расследования приведут его туда, где ему хотелось бы оказаться меньше всего...

© Коньчев И. Н., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Игорь Конычев

Оковы судьбы

© Конычев И., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава 1

Загадки Нэрфиса

В просторном помещении пахло оружейной смазкой и порохом. На аккуратных стеллажах покоились дорогие ружья, изящные пистолы, различные детали сложнейших механизмов и множество склянок с маслами. Был даже отдельный шкаф для литературы, посвященной научным изобретениям и уходу за ними, правда, особой популярностью книги не пользовались, так как большинство механиков предпочитали до всего доходить сами, путем проб и ошибок.

Почтенный седой гном, занятый тем, что изучал одно из великолепнейших ружей работы самого Берта фон Фентрешница, величайшего механика Нэрфиса, оторвался от своего занятия и взглянул на поздних посетителей своей лавки, которую уже собирался закрывать на ночь. Не поверив своим глазам, Круф Литеркниц снял пенсне и, тщательно подышав на него, потер о лацкан выглаженного пиджака, немного заляпанного едким маслом. Нет, глаза, не подводившие седого гнома ни разу за всю его долгую жизнь, не обманывали его и сейчас. Холодок пробежал у Круфа по спине, когда он представил, что скажут о нем на совете оружейников, если узнают, кто побывал в его лавке, между прочим, лучшей лавке во всем Нэрфисе! Однозначно, это отрицательно скажется на репутации «Механизмов Литеркница» и на нем самом.

Между тем молодой человек, одетый в дорогой сюртук и теплый, подбитый волчьим мехом плащ, с заинтересованным видом ходил между стеллажами с оружием, постукивая лакированной тростью. Вся одежда, за исключением белоснежной блузы, согласно последней моде выглядывающей из-под рукавов, была иссиня-черного цвета, а в черном платке на шее блеснул великолепный рубин. На вид человеку не было тридцати. Возможно, лет двадцати семи, стройный, с длинными, волнистыми, черными волосами, правильным, гладковыбритым лицом и безупречными чертами благородного господина. Однако что-то в его взгляде настораживало гнома, что-то, никак не вязавшееся с непринужденной манерой поведения и молодостью. В светло-голубых глазах брюнета словно поселилась тьма, тьма и невероятная грусть. Он о чем-то шепнул своему спутнику, и тот коротко кивнул, позволив себе крайне неприятную улыбку. Круф даже не знал, какой из этих типов не нравится ему больше: благородный, чувствующий себя здесь как дома, или тот, второй, с пугающими желтоватыми глазами. Манера держаться выдавала в желтоглазому слугу, скорее всего дворецкого, однако одет он был только чуть похуже своего господина. Дорогой, безупречный черный костюм, длинное пальто и начищенные до блеска ботинки. Волосы аккуратно зачесаны назад, ни один волосок не топорщится.

«Он, наверное, еще и бреется по два раза на день, чтобы соответствовать господину», – невольно подумал Круф, но тут же резко тряхнул головой. Да какая, к демонам, разница, сколько раз он бреется и бреется ли вообще! Его, Круфа Литеркница, блестящего механика, изобретателя, ученого и оружейника, сейчас должно волновать лишь одно – что именно в его великолепной лавке забыл маг?! Одно его присутствие может навредить бесценным экземплярам. Во имя вечно вращающихся шестеренок Фентрешница, какие дела могут быть у владеющего чарами здесь, в «Механизмах Литеркница»? Украдкой взглянув на посетителей, гном лишь еще больше убедился в достоверности своих догадок: тот, что моложе – настоящий маг. Причем не какой-то там ученик чародея, алхимик или Кукловод. Нет! Парень обладал поистине колоссальным даром, невероятным и столь же темным. Гнома передернуло. Неужто Вестники Безысходности пожаловали?

«Точно нет, – тут же успокоил себя Круф. – Паренек-то свежий, никаких следов разложения, и глаза даже пленкой не задернуты – ясные. Значит, все-таки маг». – Гном кивнул своим мыслям.

Как все представители своей расы, Круф мог чувствовать магию, вредящую его мастерству, и теперь, он пребывал в состоянии, близком к панике. Однако что он мог поделаться? О том, чтобы попросить благородного убраться куда подальше подобру-поздорову, даже речи не шло. Потом проблем не оберешься, если еще жив останешься. Мало ли, что магу может взбрести в голову, да и какая разница, что бы ни взбрело – ему все простят. Король ценит волшебников гораздо больше, чем кого-либо еще. А эти и рады до смерти, творят все что вздумается и в ус не дуют. Круф машинально коснулся своих закрученных кверху усов, мысленно перебирая в голове всех магов Нэрфиса, благо это было несложно, поскольку обладающих подобным даром было не так уж много. Но парень не был похож ни на одного из известных гному волшебников. Возможно, он приходился кому-нибудь из них сыном, тогда все еще хуже. Все маги – выходцы из знатных родов, таким лучше не перечить, а уж сынки богатеньких и влиятельных родителей – зачастую хуже их самих. Круф затравленно огляделся в поисках помощи, но, естественно, нигде ее не нашел. Двое его помощников сейчас старательно изображали предметы нехитрого интерьера, изо всех сил стараясь не то что не смотреть в сторону неизвестных, они даже дышать боялись.

– Что делать-то? Что делать... – еле слышно прошептал Круф Литеркниц и тут же прикусил язык – желтоглазый мужчина резко повернул к нему голову и впился в него взглядом, от которого у гнома по спине пробежали мурашки, а на высоком лбу выступил пот. Не мог, он просто не мог услышать слова с такого расстояния.

– Милейший! – Желтоглазый, привычным движением поправив узкие, прозрачные очки, быстро приблизился к прилавку, и Круф конвульсивно впился короткими пальцами в приклад ружья, словно утопающий в спасательный круг. – Не могли бы вы помочь моему господину с выбором? – Неизвестный с улыбкой указал на все еще рассматривающего стеллажи благородного посетителя.

Круф Литеркниц непроизвольно еще раз взглянул в сторону молодого человека, повернувшегося к нему, и тут его словно молния поразила. Как же он его раньше не признал?! Круф никогда не верил в богов, но незамедлительно помянул Близнецов. Все еще хуже, чем он предполагал, хотя, может быть, парень только внешне похож на того, чье имя в Нэрфисе старались не произносить, а иногда даже пугали им непослушных детей. Не в силах смотреть человеку в глаза, он опустил взгляд и сразу же закашлялся. Рукоять! Рукоять трости, выполненная в форме головы ворона! Ошибки быть не может – Цепной пес короля! Теперь репутации точно конец! Если сам Алан Рэвендел пожаловал, то и беда не заставит себя долго ждать. Один из помощников гнома, видимо, также узнавший гостя, с гулким стуком бухнулся на пол, забывшись в глубоком обмороке.

– С ним все будет в порядке? – Тот, кого называли Цепным псом короля, легко улыбнулся, указав тростью на растянувшегося вдоль стены молодого гнома.

Круф не мигая смотрел благородному в глаза, искренне завидуя пребывающему в забытии помощнику.

– Господин задал вам вопрос. – Теперь в голосе желтоглазого слышалась явная угроза.

– А? – Судорожно сглотнув, хозяин оружейной лавки выдавил из себя самую неестественную в своей долгой жизни улыбку. – К-к-конечно, конечно же! Он... он просто болен, немного полежит – и все пройдет, не извольте беспокоиться. Чем, чем я могу помочь благородным господам?

– Я хотел бы приобрести у вас Изначальное сердце, – с задумчивым видом произнес Алан.

– Но, но, господин, – замялся Круф. – Сердце марионетки я могу продать лишь тому, у кого есть разрешение гильдии Кукловодов. – Язык гнома отчаянно заплетался, а глаза вдруг заслезились.

– Вот как... – загадочно улыбнулся благородный. – Стало быть, человек не из гильдии не может приобрести ничего подобного?

– Конечное же! – поспешно закивал Круф, обрадованный тем, что на него не рассердился. – Я уверяю вас, господин, во всем Нэрфисе только три лавки торгуют Изначальными сердцами, и никто из нас никогда бы не осмелился нарушить распоряжение Его Величества!

– Ни за какие деньги? – Желтоглазый подался вперед, и его улыбчивое лицо оказалось совсем рядом с лицом гнома.

– П-помилуйте! – Колени Круфа затряслись. – Я бы не стал лгать вам! – Не в силах выносить пытливый взгляд желтых глаз, готовый на все, что угодно, гном взглянул на Алана Рэвендела.

– Довольно, Винсент, – снисходительно улыбнулся молодой человек, и желтоглазый сразу же оставил гнома в покое.

Круф не смог сдержать облегченного вздоха.

– Стало быть, вы уверены в том, что в Нэрфисе нигде нельзя приобрести Изначальное сердце, минуя закон? – Стоило Алану перестать улыбаться, как гному показалось, что его собственное сердце оборвалось и упало куда-то вниз.

– Я не ведаю, господин... хотя, – Круф поспешно прикусил язык, но было уже поздно.

– Хотя? – с нажимом повторил за гномом молодой человек.

– Я только хотел, только хотел...

– Время моего господина дорого стоит, гном. – Тот, кого Алан Рэвендел назвал Винсентом, подошел ближе.

– Остров Осьминога или же Заблудшие! – выпалил Круф.

– Намеряете на черный рынок, милейший? – Винсент сделал еще один крохотный шаг вперед. Ступал он совершенно бесшумно и очень легко.

– Вы как профессионал в создании марионеток считаете, что на острове Веселья можно купить первоклассное Изначальное сердце без разрешения гильдии? Ну же, будьте смелее, любезный господин Литеркниц, я ни в чем вас не подозреваю и лишь хочу получить осмысленные ответы на свои вопросы. Вы ведь понимаете, что я в любом случае получу их так или иначе. Пока вы сговорчивы, я внимательно вас выслушаю, но лишь до тех пор, пока вы говорите сами. Понимаете, о чем я? Не бойтесь и говорите.

– Я... не уверен, – несмотря на столь пугающую компанию, Круфу стало чуть легче дышать. Если Цепной пес сказал, что явился не за ним, значит, опасаться нечего, по крайней мере пока. – Нужно знать, у кого спрашивать, наверное, здесь я вам не советчик. К тому же товар наверняка будет некачественный, созданный второсортным волшебником, и потребуется много сил, чтобы вдохнуть в марионетку с таким сердцем жизнь. Даже в руках опытного Кукловода она продержится неделю, может, две. К тому же на острове Веселья, как вы наверняка знаете, есть проблемы с магией, и я сомневаюсь, что сердце будет нормально функционировать. Волшебнику снова придется работать над ним, прежде чем передать Кукловоду...

– Тогда другой вопрос. Если, скажем, заменить испорченное сердце марионетки, принадлежащее ранее не ей, на другое? Скажем, изъятые из чьей-нибудь куклы.

– Помилуйте, господин! Это же убийство! – возмутился гном. – По Указу Его Величества, все куклы...

– Я это знаю, – холодно бросил Алан. – Убийство марионетки приравнивается к человеческому. Но, чисто теоретически, сможет ли одна марионетка существовать с сердцем другой?

– Жить, – машинально поправил молодого человека Круф и сразу же побледнел, осознав, что ему не стоило этого делать.

– Проживет, – снисходительно улыбнулся Рэвендел, вопреки ожиданиям гнома. Однако его спутник предостерегающе взглянул на Круфа.

– Я не знаю, – честно признался владелец лавки. – Никто из известных мне механиков никогда не описывал подобных опытов.

– Но все же.

– Как говорит Берт фон Фентрешниц: «Возможно все», – неловко улыбнулся Круф.

– Мне он сказал то же самое, как, впрочем, и остальные Механики, состоящие в гильдии. – Алан выглядел озадаченным.

«Остальные?» Литеркниц едва смог скрыть радостную улыбку. Если Цепной пес посетил всех остальных Механиков, значит, и ему, Круфу, опасаться нечего.

– Господин, – робко пролепетал гном, – позволите ли задать вам вопрос?

– Конечно, – снисходительно кивнул Рэвендел.

– Я вижу в вас сильный магический потенциал. – Круф решил начать издалека. – В руках столь могущественного волшебника, как вы, любой механизм быстро придет в негодность, ведь всем известно, как магия и наука взаимодействуют одна с другой, единственное исключение – Кукловоды и их марионетки. – Гном замолчал.

– Продолжайте, не бойтесь.

– Даже если бы вам удалось где-нибудь купить Изначальное сердце, вы не смогли бы вынести его из лавки в целости. Вокруг вас столь мощная аура, что я, признаться, сильно беспокоюсь о сохранности моего товара. Но в то же время вы хотите купить самый хрупкий и дорогостоящий компонент для создания марионетки. Не защищенное даром Кукловода сердце остановится, едва коснувшись ваших рук. Так могу ли я...

– Вы первый из своих коллег, кто осмелился сказать мне подобное. Не беспокойтесь, я ничего не трогал здесь, – неожиданно Алан Рэвендел рассмеялся, а его желтоглазый спутник позволил себе легкую ухмылку. – Что ж, по крайней мере, я услышал то, что хотел. – Алан кивнул своему дворецкому, и тот положил на прилавок десять золотых, аккуратно сложенных в столбик. – Это вам на восстановление вашего товара, если что-то пришло в негодность, надеюсь, хватит?

– К-конечно, благородный господин, благодарю вас за щедрость! – Круф склонился в глубоком поклоне. Денег, оставленных Рэвенделом, с избытком хватит на восстановление товара после нашествия всех волшебников Нэрфиса. Литеркниц даже не был расстроен тем, что Цепной пес не дослушал его вопроса. Как говорится: меньше знаешь – крепче спишь. Если Алан Рэвендел ничего не сказал, значит, и он выспрашивать не станет.

– И еще: я заберу вот это, – Алан взял с полки легкую пистоль, – не возражаете?

– Вы оказываете мне честь, господин. – Гном склонился еще сильнее, уставившись на свои все еще дрожащие колени.

Только когда хлопнула дверь, Литеркниц позволил себе выпрямиться. Первый раз в жизни он общался с Аланом Рэвенделом, но что-то подсказывало гному, что не в последний. Подобная перспектива Круфа абсолютно не радовала.

– Везде одно и то же, – желтоглазый мужчина вначале пропустил Алана вперед, а затем вышел сам, аккуратно закрыв за собой резную дверь лавки.

Ночной воздух Нэрфиса, наполненный свежестью и сыростью, вмиг окутал вышедших из помещения мужчин. Одна за другой, звезды зажигались над высокими, покрытыми черепицей крышами, робко выглядывая из-за темных туч. А фонари, в изобилии расставленные по всему кварталу Механиков, наоборот, начали испуганно мерцать, реагируя на присутствие волшебника. Света становилось все меньше и меньше, и тьма, подобно живому существу, тянулась к Алану, будто ожидала ласки, а он словно сливался с ней.

– Однако я более чем уверен, никто из них не лгал нам. – Вдохнув полной грудью, Алан сделал несколько шагов вперед, и фонарь, оказавшийся рядом с ним, почти погас. Тускло и осторожно мерцая, словно боясь побеспокоить мага, он не разгонял сгущающийся сумрак. Ночные тени в мгновение ока оплели Рэвендела, заключив его в ледяные объятия.

– Они боятся вас, – пожал плечами Винсент, наблюдая, как Рэвендел вертит в руках только что купленную пистоль. – Решили попрактиковаться в стрельбе, господин? – Дворецкий встал на краю тротуара, в самом освещенном месте, всматриваясь в даль.

Несмотря на позднее время суток, в Нэрфисе бурлила жизнь. По кварталу Механиков туда-сюда сновали деловитые, неопрятные гномы, стройные эльфы в изящных костюмах и люди, чем-то напоминающие и тех, и других. Огромный полуорк, с широким клинком за спиной, сопровождавший пожилую пару, недобро покосился на стоящего в тени Алана, явно почувствовав в человеке яркий след магии. Но, заметив наверху трости, поспешно отвел взгляд. Все, кто проходил рядом, обеспокоенно косились на мерцающие фонари, недоумевая, что происходит, ведь маги обычно не посещали квартал Механиков точно так же, как те не совались в Переулок Чудес – сердце квартала Магов.

– Мне не дано пользоваться чем-то подобным, – Алан стянул черную перчатку и взялся за расписную рукоять оружия, начавшую уже тускнеть. Стоило Рэвенделу коснуться оружия, как рукоять из слоновой кости треснула, а по начищенному до блеска стволу стремительно начала расплзаться ржавчина. Спустя несколько мгновений пистоль превратилась в бесполезный кусок металла.

– Ваше расточительство не знает границ, мой господин, – несмотря на строгий тон, в голосе Винсента не слышалось упрека. – Сначала осчастливили гнома, а теперь мгновенно привели в негодность не самую дешевую вещь. Ваши покойные родители не одобрили бы подобного.

– Ты ворчишь, словно старый дед, Винсент. – Отмахнувшись от дворецкого, Алан выбросил то, что осталось от пистولي, в ближайший, начавший уже подтаивать сугроб, и оружие исчезло в нем, оставив за собой темнеющий след.

– По людским меркам, я не просто старый дед, – когда Алан подошел ближе, дворецкий услужливо протянул своему господину белоснежный платок, чтобы тот мог вытереть руки. – Я служил роду Рэвенделов не одно столетие, с самого его основания, пока ваш дед не тронулся рассудком и не связался с Блустителями Добра, теми еще ненормальными. Хотя и Вестники Безысходности недалеко ушли от своих светлых дружков. Век бы не видел ни тех, ни других. Вы даже не представляете, до чего унижительно быть изгнанным.

– Если тебе все так не нравится, то почему же ты явился мне в ту ночь?

– Как я мог бросить единственного наследника рода в одиночестве? Можете называть меня сентиментальным, но сколько вам было лет, когда ваши родители погибли? Десять? Да меня бы совесть замучила, оставь я вас на произвол судьбы. Я клялся в верности роду Рэвенделов, когда заключал договор с его основателем, господином Альбертом, милостиво сохранившим мою жизнь и спасшим от вырождков-жрецов. Подумать только, они решили уничтожить демона только за то, что тот решил одним глазком взглянуть на этот мир. Это бесчеловечно!

При упоминании основателя рода Рэвенделов в душе Алана неприятно кольнуло. Многое бы он отдал, чтобы узнать, что это был за человек. Все что осталось от него – это старый портрет и основное место в обширном фамильном древе, однако Алана не покидало чувство, будто он знал Альберта.

– Из всех демонов мне достался самый совестливый, надо будет рассказать о твоём новом откровении Анжелике, – заметил Алан, отогнав прочь невеселые мысли, давно не дающие ему покоя.

По мокрой брусчатке застучали копыта лошадей, и проезжающий мимо экипаж, повинувшись жесту Винсента, остановился.

– Кстати, господин, Анжелика просила передать вам, что утром приходил этот старик, Фердинанд, кажется. – Распахнув дверцу, Винсент пропустил вперед Алана и, бросив кучеру пару слов, также забрался внутрь. – Тот, что прислуживает леди Кристине... – Дворецкий замолчал, увидев, как погрузился его господин при упоминании имени девушки. – Прекратите уже изводить себя, почему вы игнорируете все ее приглашения? Вы как-никак обручены...

– Довольно! – грубо прервал собеседника Алан, не отрывая взгляда от окна, на которое начали падать первые капли весеннего дождя. Экипаж, покачнувшись, тронулся. – Наша помолвка ушла в небытие вместе с нашими родителями.

Цокот копыт вклинился в разговор мужчин.

– Но...

– Нет, – покачав головой, Рэвендел устало вздохнул. – Она еще молода, и ей нужно жить дальше. К тому же что я могу ей дать? С моим прошлым и моим настоящим? Про будущее я даже думать не хочу. Я не желаю ей судьбы, которая может постигнуть ее, если мы будем вместе.

– Вы любите ее? – серьезно спросил Винсент, пристально глядя в глаза Алану поверх очков. – Скажите честно.

– Я всегда любил ее. – На миг лицо Рэвендела посветлело, но практически сразу стало прежним: задумчивым, сосредоточенным, отрешенным. – Я не хочу говорить об этом, – жестко отрезал Алан. Он представил себе Кристину: ее красивое личико, обрамленное светлыми, крупно завитыми локонами, ниспадающими на хрупкие плечи. Пухлые губы девушки почему-то были поджаты и предательски дрожали, а на больших голубых глазах выступили слезы. Алану захотелось обнять ее, прижать к себе. Но он с трудом поборол желание послать все куда подальше и приказать извозчику ехать на улицу Тополей, в квартал Знати, где и находился дом Кристины.

– Почему бы вам не позволить ей самой выбрать, как жить дальше? – заметив смятение господина, произнес Винсент. – Даже мое черное сердце скоро не выдержит. Оно и так разывается на части каждый раз, когда я смотрю в глаза леди Кристины, стоящей на пороге вашего дома, и лгу ей, что вы ушли.

– У Анжелики случилась бы истерика, услышь она сейчас твои слова. Тем более что ты отходишь от своей роли.

– О какой роли вы говорите? Я дворецкий рода Рэвенделов. Для меня естественно – заботиться о вашем благосостоянии. К тому же сейчас речь не об Анжелике, а о леди Кристине, – не отступал Винсент. – Однажды она сказала мне, будто ей почудилось, как ночью из темноты за ней кто-то наблюдал. Мой лорд, – он язвительно улыбнулся, – как вам не стыдно? Зачем пугать девушку?

– Я не собираюсь оправдываться перед тобой.

– А как насчет леди Кристины? Продолжите держать ее в неведении?

– Так будет лучше для нее.

– Но не для вас. – Винсент быстро поправил съехавшие от тряски на нос очки.

– Мне достаточно того, что она будет счастлива, – убежденно произнес Алан. Молодой человек откинулся на спинку мягкого, обитого темным бархатом сиденья и прикрыл глаза. Его пальцы в черных перчатках скользили по серебристой голове ворона, венчавшей тонкую трость.

– Но только вы сможете сделать ее счастливой, – не унимался дворецкий.

– Я принесу ей лишь боль, так же, как всем остальным. Разговор окончен. – Прежде чем Винсент успел возразить, господин жестом попросил его замолчать. Именно попросил, несмотря на свои возможности Алан никогда не злоупотреблял властью, считая дворецкого лучшим другом, знакомым ему с самого детства.

– Вы, люди, странные создания.

– Я не совсем человек, или ты забыл?

– Стало быть, вы еще более странный, нежели остальные, к тому же демонической крови в вас не больше, чем обычной. Хотя из всех потомков господина Альберта вы самый похожий на него.

– Расскажи это Блустителям Добра, возможно, если их попросит столь древний демон, они разрешат мне не проходить их проверки каждый месяц, – скривился Алан.

– Я предпочитаю, когда меня называют дворецким.

– Тебе все еще не надоело играть эту роль? Сначала – дядя-опекун, затем – управляющий, потом троюродный брат, и вот теперь – дворецкий. Что будет потом?

– Не извольте беспокоиться, – снисходительно улыбнулся Винсент. – Никто ничего не заметит. Для окружающих любой мой образ отличается от предыдущего точно так же, как мое имя. Маленькие демонические хитрости, знаете ли.

– Несмотря на то что ты всегда выглядишь одинаково, никто не обращает на это внимания! – фыркнул Алан. – Определенно, у демонов имеются свои преимущества. Однако дворецкий... я думал, что ты устал служить роду Рэвенделов.

– Отчего же? – искренне удивился Винсент, вскинув бровь. – Возможно, иногда я позволяю себе поворчать, но это всего лишь забавно. Скажу даже больше: мне безумно нравится чувствовать себя лучшим дворецким Нэрфиса!

– И кто же жаловал тебе подобный титул? – отвлекшись от мыслей о Кристине, Алан заметно повеселел.

– Я сам, – важно заявил Винсент. – Или вы считаете, что кто-то из людей сможет составить мне конкуренцию? Да я живу в этом городе дольше, чем кто-либо еще!

– Не сомневаюсь, ведь...

Что-то с силой ударило в экипаж, и карета, сорвавшись с места, взлетела в воздух вместе с вопящим извозчиком и непрерывно ржущими лошадьми. Экипаж ударился о брусчатку, перевернулся еще раз и, врезавшись в каменную стену одного из домов, разлетелся на куски.

Давно, казалось бы в прошлой жизни Алана, в Нэрфисе, так же, как всегда, накрапывал дождь, сменявшийся мокрыми хлопьями снега. Прошло почти два десятка лет, а он помнил ту ночь, изменившую его жизнь так, как будто это случилось вчера.

Горящие обломки дорогой кареты были разбросаны во все стороны. На алом от крови снегу, рядом с искалеченным телом кучера, билась в конвульсиях одна из умирающих лошадей, вторая уже затихла. Алан, пошатываясь, поднялся, глядя на свои окровавленные ладони, но ноги не удержали его, и он упал на снег. Все тело пульсировало от боли, в голове непрерывно гудело.

– Кто-нибудь... – позвал он и не узнал собственного голоса. – Помогите! – Перед глазами молодого Рэвендела все плыло, а стекающая со лба кровь, смешиваясь со слезами, окрашивала мир в жуткие алые цвета.

Плотно стиснув зубы, маленький Алан все же смог вновь подняться на ноги и с ужасом огляделся. Из городского парка к нему двигались какие-то люди. Они шли неспешно, ухмыляясь, о чем-то переговариваясь друг с другом. Молодому Рэвенделу не нравились эти люди, они пугали его, а ружья в их руках непрерывно пялились в его сторону черными глазами стволов.

– Кто-нибудь... – неуверенно позвал мальчик. – Где вы?

Ответа не последовало.

Алан попятился, споткнулся о тлеющий обломок экипажа и едва не упал. Обернувшись, он увидел, что и со стороны высоких домов к нему движутся неизвестные люди. Сердце бешено колотилось, выжженный над ним символ обжигал кожу. Мальчик прижал руку к груди, но боль не утихала. Пальцы до крови впились в кожу, перечеркнув символ Всевидающих Близнецов кровавой полосой. Алан пытался вспомнить слова молитвы, которой учила его мать. Воспоминания словно заволакивало черным туманом, сквозь который были видны лишь обрывки прошлого. Но он помнил, мама всегда пела ему песню, и боль уходила. Мысли путались в голове Алана, и он не мог вспомнить ни одного слова, хотя слышал их множество раз. Затравленно оглядевшись, мальчик бросился бежать. На подгибающихся ногах он обогнул затихших лошадей, скрюченное тело извозчика и застыл как вкопанный, побледнев, словно недавно выпавший снег.

Тело мужчины лежало всего лишь в нескольких шагах от него, за большим обломком экипажа, наполовину погребенное под ним. Широко раскрытые глаза Себастьяна Рэвендела не мигая уставились в ночное небо, бледные, окровавленные губы были прокушены.

– Отец... – потерянно прошептал Алан, не веря в происходящее.

– Алан... – женский голос звучал еле слышно, но мальчик услышал его и сразу же узнал. Несмотря на боль и шум в голове, он не мог не узнать голос матери.

Забыв обо всем на свете, юный Рэвендел бросился на звук родного голоса, но кто-то грубо толкнул его в спину, и ребенок растянулся на снегу.

Подняв заплаканное лицо, Алан, словно в кошмарном сне, видел, как стоящий в стороне мужчина целится во что-то, сокрытое от взора мальчика, одним из тлеющих обломков.

– Ала...

Алан вздрогнул всем телом, и в то же мгновение прогремевший выстрел оборвал голос Алисии Рэвендел. Наступила оглушительная тишина.

– Чего ты ждешь? – словно откуда-то со стороны, донесся незнакомый голос. – Кончай щенка, только он остался!

– Нам велели оставить мальчишку, а ты и так его чуть не угробил своим взрывом.

– Он видел наши лица, дурак!

Несколько голосов принялись спорить. Они ругались, срывались на крик, но Алан их не слушал. Стоявший на коленях мальчик тупо смотрел на алый снег перед его глазами. Он больше не плакал, слезы высохли на детском лице. Юный Рэвендел неожиданно понял, что у него больше нет семьи и его самого также скоро не станет. У него не было сил препятствовать собственной гибели, и он не может даже отомстить за смерть родителей. Он не может ничего. Алану вдруг показалось, что это чувство собственного бессилия и обреченности уже знакомо ему. Но откуда?

Вдруг среди грубых, страшных голосов выделился один. Его Алан слышал ранее. Он не мог вспомнить почему, но голос казался ему удивительно знакомым. Он обволакивал, успокаивал, отвлекал от происходящего:

– Тебе больно? – спросил голос.

– Да... – Алан не слышал своего голоса и, как ему показалось, вообще не говорил.

– Одиноко?

– Да...

– Ты знаешь, что эти люди сделают с тобой? – в голосе слышалась усмешка.

Алан кивнул и тихо спросил:

– Кто вы?

– Ты не помнишь меня, юный Рэвендел? Мы так часто говорили по ночам, пока на твоей груди не выжгли этот символ, символ, нарушенный тобой этой ночью.

После этих слов Алан вспомнил голос. Он вправду слышал его множество раз. Ночами он часто играл с красивым, молодым, желтоглазым мужчиной. Тот вел себя, словно старший брат, которого у Алана никогда не было. Они подолгу говорили, и юный Рэвендел с удовольствием слушал рассказы своего друга. А когда мальчик просыпался – рядом никого не было. После того как он рассказал обо всем родителям, его отвезли в Залы Надежды, где жрецы Светлого Близнеца выжгли на его теле символ защиты от зла. С тех пор к Алану никто не являлся по ночам.

– Винсент... – прошептал Алан, казалось бы, забытое имя.

– Это имя дал мне Альберт Рэвендел, основатель вашего рода, – голос замолчал, словно ожидая чего-то. Но Алан не проронил ни звука, и голос продолжил: – Я могу помочь. Ты хочешь этого?

Юный Рэвендел молчал.

– Твоих родителей уже не вернуть, но тебя я могу спасти. Скажи мне, скажи свое самое сокровенно желание! Чего ты хочешь больше всего на свете? Ты хочешь, чтобы эти люди заплакали за то, что они сделали? Хочешь, чтобы они почувствовали то, что сейчас чувствуешь ты? Я могу наказать их.

Вскинув голову, Алан, взглянул на далекие звезды, редкие из-за плотно жавшихся друг к дружке туч и ставшие отчего-то алыми. В этот миг он словно увидел самого себя, жалкого и беспомощного, сидящего на снегу, неподалеку от тел родителей, в окружении незнакомых людей. Тех, кто отнял у него все, что он имел. Неизвестно откуда взявшаяся злость вытеснила из его сердца отчаяние и страх.

– Наказание, – еле слышно прошептал Алан.

– Повтори еще раз...

– Наказание! – голос ребенка зазвучал тверже. В нем прорезались жесткие, повелительные нотки, которых не было раньше. Символ на груди обжигал кожу нестерпимой болью, но мальчик лишь плотнее стиснул зубы, смело глядя на оружие, наставленное на него. – Я хочу отомстить!

– Тогда прикажи мне, – прошептал Винсент на ухо Алану.

– Я приказываю тебе наказать их всех!

– Будет исполнено, мой юный господин! – Винсент громко рассмеялся, и было в этом смехе что-то зловещее, пугающее.

Символ на груди Алана, словно вновь выжгли раскаленным железом, и юный Рэвендел упал на снег, потеряв сознание...

...Рэвендел навсегда запомнил тот день, оставшийся в прошлом. Теперь он изменился. Почти двадцать лет прошло с тех пор, как мальчик потерял родителей. Маленького, зажавшегося в угол ребенка больше нет.

– Как думаешь, Рик, ему конец? – тихо поинтересовался подозрительный тип в дырявом плаще у стоящего рядом с ним здоровяка. Случайные свидетели взрыва потихоньку начинали приходить в себя и подтягивались к изломанному экипажу.

– Откуда ж я знаю? – Мозолистые лапы мужчины крепче сжали древко секиры. – И не называй нас по именам, идиот! Сходи посмотри, Хлыст.

– Вот еще, – третий человек не сводил глаз с дымящихся обломков экипажа. – Давайте просто бросим еще одну бомбу – и все дела, чтобы наверняка!

– Боишься? – Тип в плаще ослабил, демонстрируя приятелям гнилые зубы.

– Про этого Рэвендела такие страсти рассказывают, что я уже жалею, что согласился на это дело...

– Поздно жалеть, – раздался насмешливый голос, и из мрака, совсем рядом с мужчинами, появился высокий брюнет с желтыми глазами и нацепленными на узкий нос очками. – Напасть на господина ночью... вы, видимо, очень жадные люди.

– Какого... – недолго думая, здоровяк взмахнул секирой, но желтоглазый небрежно поймал тяжелое, зазубренное лезвие двумя пальцами, легко удерживая его на месте и не обращая внимания на потуги силача.

– Спаси нас Близнецы... – тот, кого звали Хлыстом, икнул и попятился назад. – Бежи... – он вдруг замолчал, уставившись на ониковый клинок, пробивший его насквозь и вышедший из груди. Лезвие резко рванулось вверх, разрубив человека от середины груди до макушки. Мертвое тело еще не успело упасть, а окровавленное лезвие распалось черным туманом, смешавшись с ночным мраком.

Хлыст беззвучно повалился на землю.

– У господина был нелегкий день, – виновато улыбнулся Винсент, выпустив секиру.

Сделав несколько шагов назад, здоровяк резко развернулся в сторону экипажа, и то, что он увидел, заставило его выронить оружие. Много чего говорили об Алане Рэвенделе, будто

тот способен управлять тьмой и призывать демонов, некоторые утверждали, что единственный наследник древнего рода сам является демоном. Но многие считали это сказками. Однако то, что видел сейчас безоружный головорез, если и походило на сказку, то уж точно не на добрую.

Тьма клубилась вокруг стоявшего среди обломков Рэвендела, на котором не было ни царапины. Ледяные глаза, казалось, заглядывали Рику в самую душу.

– Ты не уйдешь, – голос прозвучал у здоровяка в голове.

Бандит попытался сдвинуться с места, но не смог. Опустив глаза, он увидел, как сгустившаяся тьма впиалась в его ноги. Рик огляделся в поисках приятеля, но тот все еще стоял на прежнем месте, с ужасом глядя на желтоглазого мужчину, чья рука сжимала его горло.

Рик хотел просить о помощи, но язык не повиновался ему. Взгляд здоровяка скользил по бледным лицам отпрянувших назад жителей Нэрфиса, но никто из них не смотрел в его сторону. Все глазели на медленно шагающего вперед Алана Рэвендела.

Тук-тук-тук... – трость гулко ударила о брусчатку.

Тук-тук-тук... – бешено колотящееся сердце Рика билось все реже. Тьма медленно ползла вверх по его телу. Вот она полностью поглотила ноги, холодом пробежала по спине, сдавила горло стальной хваткой и замерла у самого подбородка.

– Нападение на слугу Его Величества приравнивается к государственной измене и... – Алан говорил медленно, четко выделяя каждое слово, глядя при этом Рику в глаза, – карается смертью, – жестко закончил он и ударил тростью о камень.

В тот же миг тело Рика взмыло вверх, и осязаемая тьма тут же полностью окутала его. Фонари замерцали, некоторые потухли, а некоторые и вовсе лопнули. Никто не проронил ни звука, и воцарившуюся тишину нарушил лишь гулкий стук иссушенного, обескровленного тела Рика, упавшего на холодную брусчатку.

– Винсент, – не удостоив мертвого бандита даже взглядом, Алан Рэвендел обратился к дворецкому, – того, что ты держишь, мы оставим в живых и заберем с собой в Залы Безысходности. Найди нам экипаж.

– Не желаете допросить его лично?

– Ни к чему, все они ничего не говорят, будто и вовсе не помнят, кто они и зачем хотели меня убить. Мне надоело тратить на них свое время.

– Как пожелаете, мой лорд. – Дворецкий изящно поклонился, выпустив шею своего пленника, но тот и не думал бежать. Он лишь опустил на колени и, тихо скуля, не мигая, смотрел на тела приятелей.

Глава 2

Серые стены

Тоскливый вой разнесся над ночным городом, и лошади, тянущие экипаж, обеспокоенно заржали, замедляя ход и нервно приплясывая. Послышался резкий щелчок кнута извозчика, и повозка, дернувшись, двинулась быстрее.

– Вновь не могут поймать очередного оборотня, сбежавшего из нор заблудших? – высказал свое предположение Винсент, придерживающий сидящего рядом с ним типа в потертом плаще. Однако тот по-прежнему вел себя очень тихо, смотрел в одну точку прямо перед собой и лишь постоянно кусал уже окровавленные губы, шмыгая носом.

– Последнее время они стали прорываться все чаще. – Выглянув в окно, Алан увидел, что их экипаж въехал на мост, соединяющий кварталы Механиков и Гильдий. Послышался стук копыт, и мимо экипажа пронесся конный разъезд. На плащах солдат красовалась рыба с плавниками-крыльями, изображенная в виде вытянутой стрелки. «Летучие Рыбы» – один из четырех отрядов, охраняющих покой Нэрфиса. Вооруженные мушкетами, рапирами и пистолетами, они отвечали за безопасность в Жилом районе, Доках и на территории Дома Гильдий. Ощувив легкое дуновение магии, Рэвендел понял, что среди солдат имеется кто-то, обладающий даром. Определенно это не мог быть волшебник. Владеющие искусством магии никогда не сопровождали отряды, вооруженные огнестрельным оружием. Один из всадников вдруг повернулся в сторону экипажа и почтительно склонил голову, после чего ударил пятками в бока отставшей лошади и унесся прочь. Присмотревшись, Алан увидел на его плаще эмблему Кукловодов – нарисованную несколькими мазками марионетку. Однако куклы нигде не было видно, наверное, повинуясь приказу Кукловода, она отправилась вперед.

– Стало быть, заблудшие прорвались в Доки, – заметил Винсент. – Если бы их обнаружили на Фабриках, Свалке или Очистных, где они обычно ошиваются, послали бы «Молот».

Алан Рэвендел едва заметно кивнул, любуясь водной гладью, освещенной яркой луной, так кстати выглянувшей из-за туч. Ему хотелось отвлечься от мыслей о месте, куда они едут, но новый попутчик мешал ему, постоянно шмыгая носом.

Полная луна поднялась высоко над крышами, изредка являя ночному городу свой бледный лик. Под ее, казалось бы, усталым взглядом, одинокий экипаж, миновав район Гильдий, приблизился к единственному мосту, ведущему в Залы Безысходности. Высокая черная башня, отчетливо видимая из любой точки города, зловеще возвышалась на Нэрфисом. Именно в этих стенах культ темного Близнеца вершил свое так называемое правосудие. Облаченные в черные хламиды служители культа, уже давно ставшего основной религией Аластрии, наводили суеверный ужас на жителей Нэрфиса и на всю страну в целом. Они редко выбирались из своего логова, но когда покидали родные стены, словно беззвучные тени, скользили по улицам города. Поклоняющиеся смерти, служители обладали особенной, пугающей магией, не имеющей ничего общего с волшебством. Они могли творить с телом, разумом и духом такие вещи, о которых многие предпочли бы даже не знать. Но цена за силу была высока. Темный Близнец отмечал истово верующих своей дланью, и те все больше напоминали оживших мертвецов. Со следами разложения и серой мертвенной плотью, они неустанно возносили хвалу одному из богов. Чем сильнее была их вера, тем заметнее становились отметки смерти и тем более мощная магия становилась подвластной тем, кто избрал своей жизненной целью служение темному Богу. Они не ели, не спали, не пили и даже не дышали. Поговаривали, что верхушка жрецов Безысходности, обладающих колоссальной силой и мощью – абсолютно не похожа на людей. Многие считали это сказками, но Алан Рэвендел знал, что это не так. Ему приходилось несколько раз встречаться с главой темного культа – лордом Мортимером Тэрисом. Даже при-

выкшему к тьме Алану становилось не по себе в присутствии этого мрачного существа, словно снизошедшего в этот мир из самого ужасного кошмара. Закутанный в темные одежды, лорд Тэрис всегда скрывал свое лицо за серебряной маской, а с его рук никогда не пропадали перчатки. Лишь однажды он явил Алану свой истинный лик. И пусть лицо Мортимера оставалось в тени капюшона, но молодому Рэвенделу показалось, будто сама смерть заглянула ему в глаза.

Экипаж остановился, и Алан, тряхнув головой, сбросил с себя легкий саван воспоминаний. Расплатившись с заметно нервничающим извозчиком, мужчины подошли к узкому мосту, ведущему к высокой башне, со всех сторон окруженной темной водой. Дождь, морозящий с высоких небес, сменился крупными хлопьями мокрого, назойливого снега, быстро налипающего на одежду. Но Алан не замечал его, с нескрываемым презрением взирая на высокую башню, казавшуюся темнее самой ночи.

Едва трое мужчин успели подойти к мосту, как из темноты навстречу им вышли две фигуры, плотно закутанные в черные плащи. Они словно отделились от темных стен, появившись из ниоткуда, и в полной тишине заскользили к поздним посетителям.

– Господин Рэвендел, – замогильный голос звучал глухо, – рады вас приветствовать. С чем пожаловали в столь поздний час?

– На меня и моего дворецкого было совершено покушение. – Алан смотрел в скрытое тенью капюшона лицо. Стоило ветру сменить направление, как ноздри молодого человека зашевелились неприятный, чуть сладковатый, запах тлена.

– Это серьезное преступление, – кивнула вторая фигура. Голос из-под плаща принадлежал женщине. – Нападавший был один? – Тьма под капюшоном уставилась на мужчину в потертом плаще, и тот сжался от страха, однако Винсент рывком заставил его выпрямиться.

– Двое умерли, – любезно пояснил Алан.

– Свидетели преступления имеются? – Вестникам Безысходности не были присущи благородные манеры, поэтому они без зазрения совести держали посетителей у входа, под холодным ветром и мокрым снегом.

– Нападение произошло почти перед мостом, ведущим из квартала Механиков в квартал Гильдий, на улице Паровой. Думаю, «Молот» уже в курсе произошедшего. Ваши люди легко отыщут тех, кого нужно, – не моргнув глазом ответил Алан.

– Искать – дело городской стражи. Нам достаточно вашего слова, – бесшумно один из жрецов темного Бога вышел вперед, и его костлявая рука сжалась на плече пленника. – Мы хорошенько расспросим его обо всем. Вы можете зайти завтра. – Не дожидаясь ответа, Вестники Безысходности учтиво поклонились и увели вдруг разрыдавшегося разбойника. Он попытался вырваться из холодных объятий, но один из жрецов, жестко развернув пленника, заглянул ему в глаза, и разбойник замер. Безвольно опустив руки, деревенеющей походкой медленно побрел следом за жрецами.

– Хотите присутствовать при допросе? – Винсент, не отрываясь, смотрел в спины удаляющимся жрецам, а на его лице застыло выражение глубочайшего презрения. – Думаю, они вам не откажут.

– Я, пожалуй, воздержусь от столь сомнительного удовольствия. – Алан позволил себе легкую улыбку. – А сейчас я хочу спокойно посидеть дома у камина с чашкой твоего отменного горячего чая.

– Как пожелаете, господин.

...Район Благородных располагался на Дворцовом острове, представляющем собой одну большую парковую зону. Богатые, порою даже слишком вычурные особняки стояли на приличном расстоянии друг от друга, разделенные заросшими плющом оградами и живыми изгородями, за которыми скрывались высокие каменные стены. Здесь жили родственники королевской семьи и приближенные Его Величества. Древний род Рэвенделов также был удостоен чести поселиться на одной земле с потомками королевского рода, поскольку всегда пользо-

вался расположением короля. Правда, дед Алана, Роберт Рэвендел, первым из рода выжиг на своей груди клеймо Блинецов. Тем самым он отрекся от древнего демонического наследия своей семьи и от королевской помощи. Он же бросил имение рода на Дворцовом острове, перебравшись в квартал Знати. Роберт собирался сжечь старое имение, но король не дал на это своего согласия, решив сохранить имение, расположенное в гуще паркового леса. Некогда талантливый маг, Роберт Рэвендел с фанатизмом ушел в религию культа Блинецов, буквально помешавшись на ней, и его сын, отец Алана, пошел по стопам отца. Со смертью родителей стены, и раньше давившие на Алана, стали для него настоящей тюрьмой. Для нечеловеческой сущности молодого Рэвендела, нарушившего печать, сдерживающую его естество, было настоящей пыткой томиться в пропитанных силой культа стенах. Вступив в права наследия, Алан Рэвендел немедленно подал прошение Его Величеству с просьбой разрешить ему вернуться в родовое имение и сразу же получил согласие. Старинный особняк, который молодой Алан не видел никогда прежде, понравился ему сразу же, и даже сейчас, по прошествии более чем пятнадцати лет, он ни разу не пожалел о принятом ранее решении. Его дом был здесь, в этом мрачном особняке, служившем его роду не одно столетие. В темных подвалах, чьи стены, пол и потолок были испещрены таинственными символами, он постигал свое наследие. То, от чего когда-то отрекся его дед.

Стоило извозчику пересечь мост, ведущий на Дворцовый остров, как его сразу же остановили воины, облаченные в сверкающую броню «Коралловой стражи», именуемой также королевской. Отливающие перламутром доспехи и синие плащи с изображением щита и золотой короны служили отличительным знаком лучших из лучших. С момента основания Нэрфиса «Коралловые стражи», в чьи ряды входили лишь отпрыски благородных родов, посвятивших себя военному ремеслу, охраняли покой королевской семьи. Потомственные вояки, не знающие страха, безоговорочно преданные короне и готовые на все, чтобы сохранить жизнь королевской семьи, они служили истинной опорой трона. Благодаря нерушимой воле они почти не поддавались заклинаниям, влияющим на сознание, а зачарованная броня надежно защищала их тело от магии и от стали.

– Назовитесь. – Один из стражей встал напротив дверцы экипажа и, постучав, открыл ее...

– Алан Рэвендел. – В глаза Алану бросился яркий свет, исходящий от небольшого волшебного огонька, покачивающегося над головой воина. Сами «Коралловые стражи» магией не владели, значит, сегодня, как, впрочем, всегда, с патрулем были маги из «Панциря».

– С возвращением, господин Рэвендел. Прошу простить за беспокойство, – страж, сразу же узнавший пассажира припозднившегося экипажа, сдержанно поклонился.

– Ничего страшного. Это ваш долг. – Алан не видел лица воина, скрытого за опущенным забралом начищенного до блеска шлема.

– Приятной ночи. – «Коралловый страж» еще раз поклонился и отошел в сторону, позволяя экипажу двигаться дальше. Так же поступили и остальные воины.

Дворцовый остров, как положено владениям короля, держался особняком от остального города. Будучи таким же консерватором и так же опасаясь переворотов, как его отец, нынешний король Руперт Третий строго-настрого запретил любые проявления науки и техники на своем острове. Его Величество также запретил культу Блинецов любую деятельность на этом клочке земли, позволяя своим приближенным жить так, как этого они хотят. Жрецам подобное решение, естественно, не понравилось, так же, как то, что им пришлось отзывать всех своих людей, занимающих немаловажные должности при дворе короля. Никто не знал, что именно произошло между культом и владыкой Аластрии, но в последнее время их отношения стали довольно напряженными. Под давлением монарха культ постепенно сдавал свои позиции, не смея противиться истинному наследнику короны. Именно поэтому на Дворцовом острове Алан мог дышать полной грудью. Он знал, что с момента гибели родителей культ Бли-

нецов питает к нему повышенный интерес. Узнав о нарушении клейма, жрецы попытались убедить Рэвендела выжечь его заново, но тот наотрез отказался это делать. Тогда последователи культа обратились к королю, заявив, что кровь мальчика, оскверненная не по его вине, может стать причиной многих бед, однако владыка Аластрии приказал им оставить молодого Алана в покое. Подобное решение сделало пропасть, разверзшуюся между жрецами и королем, еще глубже. Когда же юный Рэвендел повзрослел, Его Величество Руперт Третий сделал юношу своим доверенным лицом, наделив максимальными полномочиями как в стенах Нэрфиса, так и на территории всей Аластрии в целом. Алан ожидал, что его жизнь, с новой должностью, изменится еще сильнее, но король очень редко вызывал его к себе и обычно поручал заниматься различными проверками на территории Университета и Школы магии. В основном Алан служил связующим звеном между Дворцовым островом и остальным Нэрфисом. Поначалу Рэвендел не понимал, почему Руперт Третий выбрал именно его, но объяснение нашлось довольно быстро. «Я просто нашептал ему перед сном, – с невинной улыбкой сказал тогда Винсент и подмигнул Алану, продолжая говорить: – У вас впереди не очень-то легкая жизнь, и чем более влиятельным вы станете, тем лучше. Насчет короля не беспокойтесь. Он давно искал подходящую кандидатуру, не уважающую культ Блинецов и в то же время чуждую Механикам. Паранойя, знаете ли. А тут нуждающийся в опеке наследник благородного рода, да к тому же не глупый. Если вы думаете, что король будет защищать вас по доброте душевной, вы ошибаетесь. Он преследует свои цели, но, какие бы они ни были, вы должны подыгрывать ему, ведь он – единственная ваша защита от культа. Когда он узнал о том, что способности наследника рода Рэвенделов вернулись, то едва ли не запрыгал от счастья, искренне веря, что сам нашел такой самородок. Ведь вы единственный в этом городе, кто обладает подобной силой. Руперт Третий сделает все что угодно, лишь бы удержать вас рядом с тронном и превратить в своего цепного пса. Он будет холить и лелеять вас, потихоньку взращивая верного слугу. Чем сильнее вы становитесь, тем более сложные поручения король будет давать вам. Королевский род и род Рэвенделов всегда поддерживали друг друга, пока ваш полоумный, простите, дед, не нарушил столь славную традицию».

Когда для всех окружающих стало очевидно, что связь Алана с тьмой растет с каждым годом, Его Величество, скрывая радостную улыбку, невозмутимо заявил, что у него нет никаких сомнений касательно преданности юного Рэвендела. «Он исполняет мою волю, а каким способом он это делает – мне безразлично», – сказал Руперт Третий, и жрецы культа Блинецов лишь бессильно развели руками. Единственное, чего им удалось добиться, так это того, чтобы Алан проходил ежемесячную проверку на предмет человеческой сущности. Жрецы полагали, что под воздействием демонической крови тело и разум юного Рэвендела могут полностью измениться, и тогда он может представлять опасность для жителей Нэрфиса. Они ссылались на прошлое, заявляя, будто в архивах города остались свидетельства того, как смешавшие в себе кровь демона и человека, Рэвенделы сходили с ума и творили бесчинства на улицах Нэрфиса. Однако этих доказательств жрецы предоставить не смогли, заявив, будто древний свиток рассыпался от ветхости у них в руках. Немногочисленные волшебники так же, как жрецы, недолюбливали Рэвендела, подозревая его в запрещенном искусстве. Но и они не смогли ничего доказать, к тому же король, которому волшебники беспрекословно подчинялись, велел им оставить «бедного мальчика» в покое.

Месяцы проходили один за другим, складываясь в года, а последователи культа так и не смогли ничего обнаружить, каждый раз любезно, но крайне неохотно прощаясь с Аланом и подолгу глядя вслед улыбающемуся молодому человеку, не догадываясь о тайнах, которые он хранит.

Высокая ограда, обвитая плющом, охватывающая владение Рэвендела, медленно плыла параллельно окну экипажа, слегка подрагивая в такт движению лошадей. Если другие поме-

стья освещались при помощи магии, то изгородь особняка Рэвенделов почти сливалась с окружающей тьмой.

Покинув экипаж, Алан взглянул на рассветное небо, по своему обыкновению закутанное в низкие, серые тучи, и зябко поежился. Ключья густого тумана, стелющиеся по земле, словно норвили заползти под одежду и отобрать все тепло.

– Вот мы и дома, – пар закрутился у рта молодого человека.

Винсент понимающе улыбнулся и шагнул к высоким запертым воротам, не имеющим ни петель, ни замочной скважины. Створки растаяли в воздухе, пропустив мужчин за ограду, и сразу же абсолютно бесшумно вновь восстановились за их спинами.

Алан медленно шел по выложенной брусчаткой дороге, любясь красивым, ухоженным садом. Он не слышал шагов Винсента, но знал, что тот неотступно следует за ним. Миновав высокий фонтан, выполненный в виде большой чаши, из которой вертикально вверх била струя воды, Алан встретил неразлучную парочку своих слуг. Жак и Жанна, выглядели почти как близнецы, с тем лишь отличием, что у девушки волосы были белыми, а у ее брата – черными как смоль. Они привычно хлопотали по саду, подстригая раскидистые кусты, и о чем-то тихо разговаривали.

– С возвращением, господин. – Жанна первой заметила приближение Алана. Девушка выпрямилась и грациозно поклонилась.

– Доброй ночи, господин, – склонил голову Жак.

Слабо улыбнувшись, Рэвендел кивнул слугам, услышав за спиной, как Винсент отчитывает своих подопечных:

– Снова отлыниваете? – сдвинув тонкие брови, прошипел дворецкий. – Стоит отлучиться с господином, как вы сразу начинаете заниматься всякими глупостями? Вы должны были еще вчера закончить все дела по саду, а сегодня – заняться уборкой!

Жак и Жанна склонили головы, смиренно выслушивая нарекания Винсента. Наблюдая за ними, Алан покачал головой: сколько бы он ни старался, понять мотивы, толкающие демонов на подобное поведение, он не мог. По их заверениям, они находили все это очень веселым и забавным времяпрепровождением, считая происходящее не более чем игрой. Вполне возможно, что для них все так и есть. В любом случае Алана давно перестали волновать подобные вопросы. Все его слуги, вызванные им в результате ритуалов, от которых у неподготовленных людей кровь могла бы застыть в жилах, поклялись ему в вечной верности, назвав свои истинные имена и позволив наречь их новыми. Естественно, небескорыстно. Цена вызова была велика – душа, причем неважно, чья, согласие жертвы – не требовалось. Еще нужна была кровь, но иногда приходилось искать, скажем, сердце или глаза – все зависело от личных пристрастий того или иного демона. Впрочем, в Нэрфисе никогда не переводились преступники, так что с ингредиентами Алан проблем не испытывал. Напротив, иногда он даже баловал своих друзей. Никто не хватится прорвавшихся через заслоны заблудших или парочки головорезов, которым не сиделось в трущобах. Конечно, если бы кто-нибудь узнал, что творится в подвалах поместья Рэвенделов, могли бы возникнуть определенные трудности. Но пока никто ни о чем не подозревал, а кто подозревал – уже никому не расскажет. Испытывал ли Алан чувство вины? Нет. Почти каждый день в Нэрфисе происходило убийство, а иногда и не одно. Зачем жалеть тех, кто ни во что не ставил жизнь окружающих?

Поначалу, когда его сила, высвобожденная при нарушении клейма, только начинала расти, Алан много думал о ее природе. Дед, а когда он умер, то родители каждый вечер читали ему книгу о наследии Близнецов, пытаясь привить ребенку любовь к окружающим. Его воспитывали в мире и спокойствии, родители всегда холили и лелеяли своего единственного сына, но все это рухнуло невосвратно. Больше не было невинного ребенка, он умер у горящих обломков экипажа, вместе со своими родителями, рассказывающими ему сказки о мире, лишенном зла. Алан словно переродился. Он вернул себе то, что принадлежало ему по праву, то, чего так

боялись окружающие, и то, от чего хотели защитить его родители. Они были не правы, твердя о пользе смирения и покаяния, упуская единственную истину – на зло нужно отвечать злом, и только им, а еще лучше – нападать первым.

– Вы сегодня припозднились, господин. – Резная дверь приоткрылась, и на порог вышла высокая стройная девушка, облаченная в одежду горничной. Ее иссиня-черные блестящие волосы были уложены в сложную прическу, зеленые глаза искрились, а с ярко-алых губ не пропадала легкая улыбка.

– Было много дел, Анжелика. – Алан приветливо улыбнулся.

– Стол накрыт. Желаете чего-нибудь?

– Нет, я не голоден, но спасибо за твою заботу.

– Как пожелаете, – горничная отошла в сторону, и Алан вошел внутрь особняка.

Внутреннее обустройство имения Рэвенделов отнюдь не отличалось роскошью и великолепием, как это было принято у соседей. Обстановка здесь была серой, неизменно вгоняющей в меланхолию, но Алану это нравилось. Он не любил роскошь и вычурность, считая помпезность, присущую всем представителям древних родов, излишней и ненужной. Мрачные стены радовали его глаз больше дорогих гобеленов, а старая мебель казалась удобней любой другой.

Пройдя по широкому коридору и выйдя в центральный зал, Алан поднялся по лестнице, ведущей на второй этаж, где находились его спальня, кабинет и много комнат, которыми никто давно уже не пользовался. Остановившись на последней ступеньке, Алан взглянул на стоящую внизу горничную.

– Анжелика, напомни Винсенту, когда он закончит отчитывать Жака и Жанну, что я все еще жду его чая. Я буду у камина.

– Как пожелаете, господин, – склонила голову Анжелика, отчего один из ее локонов, выбившись из прически и упав на красивое лицо. – Кстати, он передал вам, что приходил дворецкий госпожи Кристины, Фердинанд?

– Приглашал в гости?

– Да. Сказал, что завтра, после полудня, явится за ответом. Снова откажете?

– Пожалуй.

Алан неспешно свернул вправо, по длинному коридору, на который выводила лестница. Комнаты в левом крыле особняка пустовали, так же как большинство подсобных помещений, и никто, кроме прислуги, в них не заходил. Когда-то, в давние времена, по этим коридорам сновало множество слуг, а в залах часто принимали гостей. В особняке редко стихали музыка и смех. По крайней мере, так говорил Винсент, но Алан не видел ни малейшего повода не доверять своему дворецкому. Погруженный в мысли, он двигался по коридору, на стенах которого висели широкие рамы, лишенные картин. Здесь располагались портреты оставшихся в прошлом Рэвенделов, но дед Алана лично вырезал их и сжег. Вернув себе имение, юный Рэвендел приказал не трогать рамы, оставив их безликими свидетелями безумства его деда. По словам Винсента, Роберт Рэвендел не лишился рассудка, он просто боялся. Боялся всего – своих слуг, самого себя и даже своей тени. Постоянно твердил, что чудовища хотят поглотить его, что лишь Близнецы смогут ему помочь, спасут его душу от вечной тьмы. Возможно, так оно и было, но Алан не питал жалости к родственнику. Если бы старик был сильнее, то сейчас все могло бы быть по-другому. Но Роберт Рэвендел сломался, не выдержав давления собственной крови. Он предал наследие рода и обратился за помощью к культу Близнецов в надежде спастись от себя самого, убежать от своей тени. Алан улыбнулся подобным мыслям, остановившись у двери из черного дерева. Новый хозяин имения Рэвенделов дал себе слово, еще там, на окровавленном снегу: он решил никогда ни от чего не бежать.

Толкнув дверь, Алан вошел в просторное помещение, служившее ему кабинетом, хотя большую часть времени он, естественно, проводил в подвалах. В комнате горели свечи, а огромные окна были наглухо задернуты черными шторами. Пройдя по мягкому ковру, Алан

приблизился к столу, заваленному книгами и бумагами, и, положив на него трость, сбросил тяжелый пиджак, повесив его на спинку высокого кресла. Он немного постоял, глядя прямо перед собой, затем взял со стола свежий номер «Вестника Нэрфиса».

«Очередное убийство в квартале Механиков, кто станет следующим?» – прочитал Алан заголовок на первой странице. – Действительно, кто? – Подойдя к стене, молодой человек задумчиво взглянул на карту города, где были отмечены следы недавних убийств. Двадцать две жертвы за месяц, теперь уже двадцать три. Рэвендел стянул перчатку и пальцем коснулся карты в северо-восточной части острова Механиков. В том месте, где Алан коснулся карты, она потемнела, обозначив место очередного убийства. Все было как обычно – никто ничего не видел, никто ничего не знал. Хозяина мертвой куклы найти пока не удалось, и скорее всего его скоро отыщут выпотрошенным и обезглавленным, точно таким же, как всех остальных Кукловодов, чьих марионеток находили убитыми.

Алан уже сбился со счета, сколько раз он пытался отыскать хотя бы какую-нибудь закономерность в абсолютно беспорядочных и зверских убийствах, давно не дававших ему покоя. Тела марионеток пусть и не были человеческими, но все равно после расправы выглядели ужасно: разорванная, словно когтями, грудь, оторванные конечности, с педантичной аккуратностью сложенные рядом, и никаких следов. У марионеток всегда отсутствовали язык, глаза и самое главное – сердце. Звенья головоломки никак не желали соединяться между собой, а время шло, и король ждал результатов расследования. Возможно, если бы Алану сразу поручили заниматься этим делом, он смог бы узнать больше, но первых жертв, появившихся после долгого перерыва, осматривали без него, а сам Рэвендел следил за поисками всего неделю. Скорее всего стражники, привыкшие лишь отлавливать заблудших да разнимать пьяные драки, что-то упустили, что-то очень важное. Но что? Узнать, что именно, и отправил его король. Не доверявший служителям закона, за исключением «Коралловой стражи», владыка Аластрии как никогда нуждался в «глазах» за дворцовыми стенами. К тому же, посылая своего доверенного человека заниматься расследованием, он лишний раз демонстрировал жителям Нэрфиса, что ему безразлична их судьба.

Покачав головой, Алан покинул кабинет и, спустившись в гостиную, сел напротив камина, расположившись в старом кресле-качалке.

– Желаете чаю, господин? – Винсент с неизменно услужливой улыбкой уже оказался рядом.

– Да, пожалуйста, – даже не взглянув на дворецкого, Алан, не мигая, смотрел в танцующее пламя, словно хотел увидеть в нем разгадку происходящего.

Четыре убийства за неполную неделю, и никаких следов. Это не могли быть заблудшие, те тоже любят жестокие расправы, но, как правило, пожирают жертв или утаскивают в свои норы. На обычных разбойников это тоже не походило, слишком чисто все сработано. Возможно, кто-то из головорезов дяди Осьминога, возможно, даже Щупальца, но те редко выползают со своего острова. Что-то подсказывало Алану, что дело здесь вовсе не в бандитах, держащих в своих руках остров развлечений. Такая мясорубка даже им ни к чему. Здесь все по-другому. Кто-то тщательно выбирает будущих жертв и при этом не оставляет следов или очень умело скрывает их. Кто-то, кому нужно нечто большее, нежели кровь и страдания погибающих.

Ароматный черный чай, немного отдающий травами, полился в тонкую фарфоровую чашку. Вода? Алан уставился на чашку. Быстро перемещаться по городу возможно лишь несколькими путями: канализация, вода и воздух. Последнее отпадало сразу – многие бы заметили кого-то, парящего над Нэрфисом. К тому же кровь – все равно остались бы хоть какие-то следы. Канализация? Под городом находилась целая сеть запутанных тоннелей, по которым так любили передвигаться заблудшие. Этот вариант также не понравился Алану – если убийца не из заблудших, значит, они его или боятся, или он с ними договорился. И то, и другое практически нереально. Оставалась вода. Но обычные лодки слишком медлительны, а изобретения

механиков издают слишком много шума. Возможно, здесь замешана магия. Рэвендел закусил губу. Он уже рассматривал подобные варианты, но никто в городе не занимался оккультизмом или темным искусством, для которых могли понадобиться отсутствующие у жертв органы и части тел. Такое могло бы пригодиться самому Алану, но он точно знал, что не является убийцей. Точно так же, как то, что никто из его подопечных не позволил бы себе убийства без ведома хозяина.

– Господин, – вежливый и вкрадчивый голос Винсента отвлек Алана от запутанных мыслей. – Ваш чай остынет.

– Спасибо. – Рэвендел кивнул и, аккуратно взяв теплую чашку, отхлебнул бодрящего, приятного на вкус напитка. – Твой чай, как всегда, великолепен, Винсент.

– Благодарю вас, господин. – Дворецкий склонил голову, принимая похвалу. – Желаете ли еще чего-нибудь?

– Нет, – немного подумав, ответил Алан. – Я сейчас допью и пойду к себе.

– Вам нужно поспать, благородному человеку не пристало ходить с мешками под глазами.

– Я это учту.

– В таком случае я, с вашего позволения, вас покину, если понадобится, позовите. – Еще раз поклонившись, Винсент бесшумно покинул комнату.

Пламя в камине неустанно облизывало угли, радостно потрескивая и заполняя своим теплом холодную комнату. Допив чай, Алан поднялся с кресла и подошел к камину. Пламя сразу же всколыхнулось и приняло синеватый оттенок.

– Господин, ваша постель готова. – Анжелика так же, как вся прислуга в имении Рэвенделов, двигалась абсолютно бесшумно. Однако Алан не был удивлен. Он чувствовал тьму в их сердцах, почти такую же, как его собственную. Он слышал биение ее и всегда знал, когда кто-то из потусторонних существ был рядом.

Алан молча кивнул и, пройдя мимо склонившей голову горничной, направился к себе, услышав, как за его спиной тихо зазвенела посуда. Анжелика никогда не любила беспорядок. Миновав дверь своего кабинета, Рэвендел открыл соседнюю и, быстро войдя в нее, плотно запер. В комнате царил абсолютный мрак. Окна так же, как во всем особняке, закрывала плотная ткань, но для глаз Алана это не было проблемой. Зрачки молодого человека расплылись, полностью скрыв белки, превращая глаза в две темные бездны. Безошибочно найдя путь, Алан прошел через комнату, остановившись у широкой кровати. Он сбросил с себя одежду и накрылся одеялом с головой. Так он делал, еще когда был маленьким мальчиком. Странное дело, сейчас он твердо знал, что одеяло не спасет его ни от чего, кроме холода, однако оно до сих пор являлось непроницаемым барьером для его личных страхов. Под тяжелой тканью он вновь мог почувствовать себя тем самым мальчиком, самое страшное для которого – вымышленные монстры, прячущиеся под кроватью.

– Господин, вы не умылись перед сном, – раздался тихий, но строгий женский голос, доносящийся от изголовья кровати.

– Я знаю, – спокойно ответил Алан, не испытывая и толики раздражения. – Мне не хочется.

– В таком случае не стану вам мешать. Приятных снов. – Рэвендел не выглядывал из-под одеяла и не слышал звука закрывающейся двери, но точно знал, что Анжелика уже покинула его спальню, оставив наедине с тишиной и кошмарами. Алан знал, что они обязательно придут к нему, они всегда приходили, стоило ему заснуть.

Лица погибших людей, некоторые были ему знакомы, некоторые – нет, но все они растворялись во тьме, одно за другим. Люди кричали, тянули к нему дрожащие руки и захлебывались тьмой, быстро заполняющей их рты. Иногда Алану казалось, что это не просто мрак, а множество крошечных, черных жучков, проворно перебирающих тонкими лапками. Они ползали по нему, прокусывали кожу, забираясь под нее, а он ничего не мог сделать, не мог даже

кричать. Сны всегда были разными, но одинаково ужасными. Иногда ему являлась Кристина в белом подвенечном платье, а на ее груди разрасталось алое пятно. Девушка поднимала на него глаза, но он видел лишь пустые глазницы, в которых бурлила темнота. Кристина падала в безмолвную бездну, а он бежал к ней, желая спасти. Он протягивал ей руку, но едва касался ее пальцами, девушка растворялась в кромешном мраке. Иногда Алан видел Нэрфис. Не тот город, в котором он жил сейчас, а какой-то другой, незнакомый. Солнечный, яркий, город был поистине прекрасен. Постепенно на город напозала черная туча, скрывая его от глаз Алана, будто смотрящего на все откуда-то свысока. Когда же он вновь видел Нэрфис, тот больше походил на огромное кладбище.

Алан вздрогнул всем телом и резко сел на кровати, вытирая рукой струившийся по лбу пот. Во сне он снова видел этот мертвый город и, кажется, слышал смех Винсента.

Глава 3

Грязь Доков

– Господин, доброе утро. Прошу простить за беспокойство, но вы просили разбудить вас за час до прихода Роланда, – мелодичный голос Анжелики вырвал Алана из цепких объятий сна.

– Спасибо. – Нехотя Рэвендел сел на кровати, недовольно глядя на просачивающийся сквозь плотные шторы солнечный свет.

– Мне принести завтрак сюда или вы спуститесь?

– Спущусь.

– Желаете, чтобы я помогла вам одеться?

– Спасибо, справлюсь сам. Ты можешь идти.

– Как прикажете. – Поклонившись, Анжелика вышла из спальни.

Алан встал, ощущая тяжесть вчерашнего дня, вновь наваливающуюся на его плечи. Одевшись и умыв лицо ароматной водой из оставленного Анжеликой сосуда, Алан вытерся мягким полотенцем. Он как раз заканчивал с застежками сорочки, когда позади него раздалось вежливое покашливание.

– Доброе утро, господин. Я пришел сообщить вам, что Роланд, кажется, прибудет немного раньше, чем запланировано.

– Доброе утро, Винсент. – Стоя перед зеркалом, Алан никак не мог ровно повязать черный шейный платок. Дело было в том, что молодой человек не слишком жаловал зеркала, так как иногда в них проскальзывала невидимая остальным его настоящая сущность – темный силуэт с горящими огнем глазами и небольшими острыми рожками. Воспоминания, скрывавшиеся где-то в тени, резко вырвались наружу, и Алан вновь услышал зловещий смех дворецкого. Обернувшись, молодой человек наткнулся на озабоченный взгляд сохраняющего спокойствие Винсента.

– Позвольте помочь вам?

– Буду очень признателен. – Повернувшись к дворецкому, Алан поднял подбородок.

– Вот так. – Быстро повязав платок и прижав его брошью с ярко-алым камнем, Винсент улыбнулся и помог Алану надеть атласный черный пиджак. – Какие на сегодня будут распоряжения? Вы куда-то отправитесь? – Дворецкий протянул Алану его трость, но тот отрицательно покачал головой.

– Сначала я позавтракаю, а затем все будет зависеть от Роланда.

– Он очень любознательный молодой человек, однако я не понимаю, почему вы посвящаете ему столько времени? – Рэвендел вышел из комнаты, и дворецкий тенью последовал за ним.

– Ты же знаешь, я знаком с его отцом с самого детства и не могу отказать ему в просьбе. Тем более – это для меня несложно.

– Но не проще ли было сэру Вильгельму отдать сына в школу магии?

– Он считает, что там мальчику забьют голову ненужной ерундой, и я, как тот, кто отучился в этом заведении, полностью разделяю его мнение. Лаура, когда была жива, хотела отдать сына в школу магии, но теперь никто не сможет изменить решения Вильгельма. Да и учат в школе уже не так, как раньше.

– Ах, леди Лаура, мне, право, жаль, что ее не стало. Сколько времени прошло? Год?

– Вообще-то, три, – поправил дворецкого Алан, спускаясь по лестнице.

– Как быстро летит время, помнится, еще совсем недавно и вы были маленьким. Простите, я отвлекся. Вы же знаете, что мальчик не сможет освоить то, что подвластно вам. Ему нужен волшебник...

– Вильгельм это знает, но, как многие другие, считает, что я обычный маг, просто со странностями. Когда придет время, он найдет сыну подходящего наставника. Капитан «Коралловой стражи» вполне может себе позволить нанять сыну несколько десятков преподавателей.

– Справедливо, – понимающе улыбнулся Винсент.

– Перестаньте отвлекать господина своей болтовней, Винсент. – Анжелика уже стояла у двери в обеденный зал.

– Позвольте полюбопытствовать, Анжелика, а что вы здесь забыли? Жаждете увидеть сэра Вильгельма? – ехидно улыбнувшись, Винсент испытующе заглянул горничной в глаза.

– Право же, это не ваше дело.

Демоны вновь затеяли свою непонятную игру, и Алан, пройдя мимо них, вошел в обеденный зал, где уже был накрыт стол. Сев на свое привычное место, Алан принялся за легкий завтрак, вполуха слушая бесконечные пререкания Винсента и Анжелики.

– Если он вам нравится, то почему бы не уступить ему? Сэр Вильгельм уже давно положил на вас глаз.

– Полно вам, Винсент, как можно? Я же простая горничная, а господин Вильгельм – капитан «Коралловой стражи».

– Причина только в этом?

– Прекрати меня доставать! – Анжелика не выдержала первой. – Какие у меня могут быть отношения с простым смертным?!

– Ты слишком быстро выходишь из себя, – назидательно произнес Винсент. – Так неинтересно. И спрячь клыки.

Когда Анжелика вошла в залу, Алан сделал вид, что ничего не слышал. Он чувствовал гнев, обуявший девушку, но не придавал этому значения. Анжелика легко выходила из себя, особенно при содействии Винсента, но так же быстро приходила в норму.

– Можете не делать вид, будто ничего не слышали. – Поправив безупречную прическу, Анжелика налила Алану еще горячего чая.

– Спасибо за позволение, – сдержанно улыбнулся Алан.

– Вы слишком много времени проводите с Винсентом, господин. Он дурно влияет на ваше чувство юмора.

– Возможно, – не стал отрицать Рэвендел. – Но мне непонятна твоя реакция на его слова о Вильгельме. Неужели Винсент прав?

Изящная рука Анжелики сжалась в кулак, и зажатая в ней чашка лопнула, зазвенев по столу осколками тончайшего фарфора.

– И вы туда же, господин? – ледяным голосом поинтересовалась горничная, не мигая, уставившись на Алана, но, столкнувшись взглядом с Рэвенделом, поспешно опустила глаза. – Простите, я сейчас все уберу.

– Ничего страшного, – Алан вытер рот салфеткой. Он встал из за стола, поправил дорогой костюм, отметив, как быстро затянулась рана девушки, нанесенная одним из острых осколков. На белоснежной скатерти не было ни капли крови. – Ты можешь делать все что хочешь, если это не навредит Вильгельму и его сыну, – произнес Рэвендел и с этими словами вышел из залы. Анжелика еще некоторое время продолжала смотреть ему вслед, после чего начала тихо звенеть разбитой посудой.

Роланд, и правда, прибыл раньше, чем обычно. Вначале Алан услышал стук копыт, а затем бодрый и, как всегда, веселый голос Вильгельма. Похоже, капитан «Коралловой стражи» лично решил привезти сына на занятия.

– Как дела, Винсент? – бодро поинтересовался Вильгельм, хлопнув дворецкого по плечу так, что тот едва не упал. С детства посвятивший себя военному делу, капитан дворцовой стражи имел весьма внушительное телосложение и на недостаток силы никогда не жаловался.

– Прекрасно, спасибо, что спросили. – Дворецкий выдавил из себя вежливую улыбку и незамедлительно поправил сюртук. Окажись на месте Вильгельма Клове кто-то другой, позволяющий себе такое панибратское отношение, Винсент, не задумываясь, проучил бы наглеца, к примеру, оторвав ему руку по локоть. Дворецкий представил, как этот улыбающийся ему мужчина корчится на полу в луже собственной крови. Прогнав с губ неуместную улыбку, Винсент вновь стал серьезным. Но он никогда не посмеет поднять руку на того, кого его господин считает другом.

– Рад за тебя, старина! – Статный, облаченный в отливающую перламутром кирасу капитан деликатно отодвинул дворецкого в сторону и, пропустив сына вперед, вошел в особняк, не дожидаясь приглашения. Его карие глаза, как всегда, сияли решимостью.

– Милости просим, – пробормотал Винсент в спину капитану стражи, сокрытую синим плащом с золотой короной, и закрыл дверь.

– А здесь все так же уныло, как раньше, – оглядевшись, произнес Вильгельм, пригладив аккуратную русую бородку. – Ничего не меняется.

– Вы говорили то же самое на прошлой неделе.

– Да? – Воин изобразил удивление. – Ну, бывает, запомнил. – Он непринужденно рассмеялся, потрепав сына по голове. – А Анжелика здесь?

– Боюсь, она сейчас занята, господин Вильгельм. – Винсент склонил голову.

– Жаль. – Отец Роланда не пытался скрыть своего сожаления. – Что насчет твоего господина? Алан, он хотя бы здесь, или я зря тащил сюда сына?

– Я здесь. – Хозяин поместья с улыбкой вышел к гостям. – Рад тебя видеть, Вильгельм, и тебя, Роланд.

– И я тебя! – Отбросив манеры и любезности, Вильгельм приблизился к Алану и стиснул его руку своей медвежьей хваткой. – Хотя твоя улыбка с каждым разом становится все менее и менее искренней. Все нормально?

– Вполне, просто в последнее время у меня много работы, но давай не будем об этом. Как твои дела? – Заведя руки за спину, Рэвендел незаметно размял пальцы правой, которая мгновение назад смогла вырваться из удушающей хватки медвежьей лапы его друга.

– Хуже некуда, – признался Вильгельм. – Сынок, сходи-ка с Винсентом... где вы там занимаетесь?

– Я провожу, пойдем, Роланд. – Винсент осуждающе взглянул на капитана стражи сквозь свои прозрачные очки и, взяв мальчика за руку, увел за собой.

– Ты не хотел о работе, но придется. Король – совсем рехнулся, – доверительным шепотом поведал Алану Вильгельм, когда его сын и дворецкий удалились. – Все наши на ушах стоят, везде усиленные караулы. Тебе удалось что-нибудь разузнать про эти убийства?

– Пока ничего, – Алан тяжело вздохнул. – Все гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд.

– Ты справишься! – заверил друга Вильгельм, с добродушного лица которого разом пропало мрачное выражение. – Послушай, – мужчина огляделся и заговорщицки поманил собеседника пальцем. – Я сюда не просто привез сына, я хотел еще попросить тебя об одолжении.

– Чем могу помочь? – Рэвендел изобразил удивление. Он знал, о чем будет говорить его старый друг.

– Ты... ты можешь отпустить свою горничную на денек?

– Решили пойти в атаку, капитан? – Алан рассмеялся.

– Я могу дать ей все... – обиженно пробубнил Вильгельм. – И собой вроде бы не страшен. Не понимаю, чего она упрямится? Я же не просто...

– Вы с ней слишком разные, – печально произнес Алан, зная, что его друг не поймет истинного смысла, вложенного им в эти слова, повторяемые почти при каждой их встрече. Так оно и случилось.

– Да мне все равно, что она не знатного рода! – вспыхнул Вильгельм. – Я решил! Сделаю ее своей женой невзирая на прошлое!

– Вильгельм, послушай, я знаю о твоих чувствах. Мы уже говорили на эту тему и... – Алан знал друга с детства и уже привык, что если тот что-то вобьет себе в голову, то переубедить его не получится ни у кого. Такое было под силу лишь Лауре, но теперь ее нет.

– Это ты меня послушай, друг. Роланду нужна мать, а мне...

– Хорошо! – Поднял руки Алан, уже представляя, что скажет ему Анжелика, когда узнает о случившемся разговоре. – Я отпущу ее.

– На следующей неделе! Позже я дам знать точнее! – тут же расцвел в счастливой улыбке Вильгельм. – А сейчас я должен уйти, дела не ждут. – Он еще раз пожал руку Алана, стоически стерпевшего новое испытание для своих тонких пальцев, и быстро вышел из особняка, громко хлопнув дверью.

– Совсем не изменился, – Рэвендел несколько мгновений смотрел на дверь, пока затылком не начал ощущать на себе посторонний взгляд. – Я знаю, что ты хочешь сказать.

– В таком случае зачем вы пообещали ему?

– Он не отстанет, Анжелика, просто поверь мне. Сходи с ним куда-нибудь, развейся, он хороший человек, а дальше решай сама.

– Это приказ?

– Скорее просьба. – Развернувшись, Алан примирительно улыбнулся. – Я знаю, что ты скажешь, но и ты пойми меня. Я не могу открыть Вильгельму всю правду о тебе, точно так же, как не могу постоянно отказывать ему. Последний раз он уделял такое внимание только Лауре, а после ее смерти стал словно сам не свой. Мне неприятно смотреть, как он изводит себя.

– Хорошо, господин. Я встречу с ним и откажу ему лично, – твердо заявила Анжелика, сверкнув глазами. – А теперь прошу меня извинить, у меня много работы. – Девушка резко развернулась и скрылась в одном из коридоров.

– Она разобьет сердце бедняге Вильгельму, – с грустью произнес Алан, не понимающий иронии судьбы, по которой его старый друг из всех женщин Нэрфиса выбрал единственную, с которой лучше не связываться. Неожиданно он осознал, что сам поступает подобным образом по отношению к Кристине. Сколько раз он отказывал девушке во встрече? Порою люди проявляют поразительное упрямство там, где лучше отступить. Сами того не понимая, они надеются на счастье там, где его попросту быть не может. Почему Кристина не желает забыть его? Почему она не идет у него из мыслей, хотя он знает, что принесет ей одни лишь страдания?

– Эгоистично... – прошептал Алан и тряхнул головой, отгоняя печальные мысли. Стремясь чем-нибудь отвлечься, молодой человек направился на второй этаж, в свой кабинет, где его уже ждал сын Вильгельма.

Семилетний мальчик, по своему обыкновению, глазел по сторонам, с жадным любопытством изучая каждую деталь в кабинете Рэвендела. Он бывал здесь очень часто, но его интерес не иссяк. На этот раз Роланд под снисходительным взглядом Винсента косился на хрустальный шар, удерживаемый костяной подставкой в виде человеческой кисти.

– Не стоит так пристально всматриваться в него. – Быстро пройдя через кабинет, Алан накинул на шар черный платок, и мальчик вздрогнул, когда завораживающая поверхность скрылась от его взгляда.

– Почему? – невинно взмахнув длинными ресницами, поинтересовался ребенок.

– То, что ты там увидишь, может тебе не понравиться.

– Я видел маму... – осторожно произнес Роланд. – Она улыбалась мне и махала рукой. Это было видение?

– Отражение твоих мыслей.

– А вы? – немного подумав, спросил мальчик. – Что видите там вы?

– Тьму, – солгал Алан, вспоминая сотканное из мрака лицо, обрамленное гривой жестких черных волос и витыми рогами. Пламя фиолетовым пламенем глаза, лишенные зрачков, смотрели на него с обратной стороны шара, заглядывая в душу. Жуткая пасть скалилась в кровожадной ухмылке, а между острыми клыками то и дело мелькал раздвоенный язык. От этого воспоминания Алану стало не по себе, его лицо побледнело, а глаза на мгновение стали стеклянными. Мысленно одернув себя, он быстро перевел тему: – На чем мы остановились в прошлый раз?

– Вы обещали рассказать о Кукловодах! – сразу оживившись, ответил мальчик.

– Кукольники и марионетки. – Алан прошел из одного конца кабинета в другой, быстро формируя в уме план предстоящей беседы. – Здесь все просто. Есть маги, такие как ты.

– И как вы?

– Да, – после короткой паузы согласился Алан, и стоящий за спиной Роланда Винсент едва заметно улыбнулся.

– Всем нам чуждо любое проявление науки, и одним своим присутствием мы можем навредить практически любому изобретению.

– А они нам?

– Не перебивай, – строго одернул мальчика Алан.

– Извините, – несколько не обидевшись и не смутившись, сказал Роланд, в этот миг еще больше напомнив Алану своего отца.

– Если маг не будет готов, то его запросто смогут застрелить или же разбить голову паровым молотом. Само изобретение после этого неизбежно придет в негодность, но магу уже будет все равно. – Алан полностью завладел вниманием ребенка, и теперь тот слушал, не перебивая и раскрыв рот.

Покачивавший головой Винсент вышел из-за спины мальчика и, аккуратно взяв его за подбородок, прикрыл ребенку рот.

– Существуют заклинания защиты, способные спасти магу жизнь, но об этом тебе позже расскажет другой учитель, которого наймет твой отец для того, чтобы тот развил твой дар. – Алан не обращал внимания на происходящее. – Сам я этого сделать не смогу. Так что пообещай мне учиться хорошо.

– Обещаю! – с готовностью отозвался Роланд. В ореховых глазах мальчика, таких же, как были у его матери, сиял восторг от осознания того, что ему будут подвластны особые силы.

– Тогда продолжим. В нашем мире помимо магов и обычных представителей разных рас существуют и те, кто посвятил себя науке. У нас их называют – механиками. Их часто можно встретить в Доках, их квартале, в районе Очистных сооружений, Фабрик и на Свалке. Стоит отдельно отметить, что магам запрещено посещать последние три места. К Очистным сооружениям и Фабрикам не стоит приближаться, чтобы не навредить механизмам, а к Свалке лучше не ходить, чтобы заблудшие не навредили твоему здоровью. Понятно? Хорошо, продолжим. Механики могут управлять механизмами, но им чужда магия. Они не могут использовать зелья, руны и даже свитки, наделенные пусть и слабой, но все-таки магической силой. Кстати, Механики не посещают кварталы магов. Если тебе вдруг по каким-то причинам понадобится наведаться, скажем, в район Фабрик, что строго запрещено законом, тебе потребуется специальное разрешение.

– То есть я не смогу посмотреть на эти высокие дымящие трубы вблизи? – с грустью спросил мальчик.

– Пока твой дар еще не до конца пробудился – сможешь. Попроси отца, и, возможно, он отвезет тебя туда. Но! Тебе там нечего делать. За территорией Дворцового острова может быть опасно.

Роланд неохотно кивнул.

– А теперь поговорим о гильдии Кукловодов. Кукольником, или, как их еще называют, Кукловодом, может стать далеко не каждый. Их дар одновременно похож и на волшебный, и на умения механиков, с тем лишь отличием, что механические изобретения не распадаются в их руках и в то же время им подвластны некоторые области магии. Иными словами, они создают куклу при помощи механизмов, вдыхая в нее жизнь и управляя ею при помощи волшебства. Чем могущественнее Кукловод, тем сильнее будет его марионетка. Дар Кукловодов пока недостаточно изучен, но и маги, и механики прилагают все возможные усилия к его пониманию, считая это единственной возможностью найти способ сосуществования волшебства и науки. Кукловодов очень сложно почувствовать, особенно если они сами этого не хотят, однако они всегда обязаны носить эмблему своей гильдии. Что же касается их кукол, то тех так же, как любые другие механизмы, почувствовать невозможно. Некоторые марионетки очень похожи на людей, но это редкость. Создавать копию человека запрещено законом и заветами Близнецов, поэтому куклы чаще всего выглядят довольно странно.

– Я однажды видел Кукловода! – с неподдельной гордостью заявил Роланд. – Толстый такой, в плаще с эмблемой и бородой до пояса! Рядом с ним была и вправду очень странная кукла, похожая на какого-то страшного паука, но с почти человеческой головой, и руки были, как наши, а вот тело – паучье! – Вид у мальчика был такой, словно он открывал своему наставнику какой-то очень важный секрет.

– Многие Кукловоды обладают непростым воображением и дают ему волю при создании марионеток. – Алан изобразил непринужденную улыбку. Роланд описал марионетку, ставшую вчера новой жертвой.

Как только Рэвендел, по распоряжению короля, начал расследовать таинственные убийства, он в первую очередь наведился в гильдию Кукольников, лично побеседовав с каждым ее представителем из тех, что находились в городе. Если ему не изменяла память, то описанного Роландом Кукловода звали Мистх Гурег.

– А давно ты видел их? – спросил Алан.

– Давно, – мальчик задумался и нахмурил высокий лоб, – наверное, месяц назад.

– Ясно. – Рэвендел замолчал, почувствовав приближение Анжелики.

– Господин, – спустя несколько мгновений девушка деликатно постучала в незапертую дверь и, дождавшись разрешения, вошла внутрь. – Прошу простить меня за то, что прерываю ваш урок, но прибыл часовой из «Коралловой стражи».

– Я сейчас спущусь, – отозвался Алан. – Роланд, ты не против, если сегодня тебя поучит Анжелика?

– Не против! – улыбнулся мальчик. – А вы пойдете искать убийц? Папа говорит, что вы во всем разберетесь!

– Если твой отец такое сказал, значит, это правда. – Алан жестом попросил Винсента следовать за собой. – До встречи, Роланд, – обернулся в дверях Рэвендел.

– Всего хорошего, господин Алан! – Мальчик помахал рукой. – Чем сегодня займемся? – Он с любопытством посмотрел на Анжелику. Девушка часто заменяла Алана, когда у того находились важные дела, поэтому Роланд несколько не расстроился, зная, что уроки Анжелики не менее интересны. Несмотря на то что девушка была всего лишь горничной, ее рассказы не уступали в увлекательности и познавательности рассказам его наставника.

– Сегодня мы поговорим о манерах, чтобы ты больше не перебивал господина Алана, – строго сказала Анжелика, – а затем продолжим закреплять грамоту.

– Скука, – недовольно буркнул мальчик, ожидавший продолжения рассказа о гильдии Кукольников.

– Что? – Красивое лицо девушки помрачнело, когда она взглянула в глаза ребенку.

– Нет-нет, ничего, манеры так манеры! – скороговоркой пробормотал Роланд, которому вдруг стало очень страшно.

– Так-то лучше, – снисходительно улыбнулась Анжелика, и мальчик облегченно вздохнул. – Тогда начнем.

...Высокий мужчина в перламутровых доспехах и со знаком десятника на груди склонил голову, когда Алан спустился со второго этажа. «Коралловый страж» держал свой украшенный белыми перьями шлем в руках, и, взглянув на открытое молодое лицо, Алан сразу же узнал Ланса, одного из доверенных лиц Вильгельма.

– Доброго дня, господин Рэвендел. – По взгляду воина было видно, что он нервничает и ему очень неуютно в старом имении. Однако Ланс держался достойно.

– Доброго дня, – кивнул Рэвендел. Все «Коралловые стражи» происходили из знати, а значит, были равны Алану по статусу. – Что-нибудь случилось?

– Нашли хозяина убитой недавно марионетки. Тело обнаружили в Доках.

– Давно?

– Около двух часов назад. У северного моста вас уже ждет отряд «Летучих рыб». Труп нашел их патруль, и они же сопровождают вас на место. Но, если желаете, я могу отправить с вами наших людей.

– Спасибо, я справлюсь сам.

– В таком случае я жду вас на улице, вместе с экипажем.

– Толстый бородач, видимо. – Винсент помог Алану надеть плащ, после чего подал ему трость.

– Удивлюсь, если будет кто-то другой.

Карета с эмблемой «Коралловой стражи» замерла почти перед самым порогом. Рядом с ней, на нетерпеливо приплясывающих лошадях восседали Ланс и еще один страж, чье имя Алан не знал или попросту не считал нужным запоминать. Воин старался не встречаться взглядом с хозяином пользующегося дурной славой поместья.

– Вы готовы, господин Рэвендел? – учтиво спросил Ланс.

– Да, – коротко кивнув, Алан забрался в экипаж.

Возница, подгоняемый «Коралловыми стражами», спешил как мог. Несмотря на ровную дорогу, карета нервно дергалась, отчего недовольному Винсенту приходилось постоянно поправлять съезжающие на нос очки.

– У тебя же хорошее зрение, зачем ты их носишь? – Не желая в очередной раз созерцать виды Дворцового острова и задернув вышитые занавески, Алан откинулся на удобное сиденье, положив трость на колени.

– Я уже говорил вам, господин, для полноты образа. – Винсент улыбнулся. – Вы же носите трость, хотя не имеете проблем с ногами.

– Может, как-нибудь попробуешь себя в театре? Уверен, что ты будешь пользоваться популярностью.

– Кривляться перед толпой? Нет уж, увольте.

– То есть играть роль дворецкого или играть того же дворецкого, но в театре – разные вещи?

– Для меня – да. Одно дело – следовать условиям нашего договора, а совсем другое – развлекать смертных. Кстати, вы помните, что хотели посетить залы Безысходности, чтобы узнать, как поживает наш неудавшийся убийца?

– Сомневаюсь, что он до сих пор жив, – кривая усмешка рассклала красивое лицо Алана. – Но ты прав, мы наведаемся туда, как только покончим с делами.

На этом разговор прервался, и далее мужчины ехали молча: Рэвендел в тяжелых размышлениях о совершенных неизвестным убийствах, а его дворецкий – с приятными мыслями о том, какой чай заварить своему господину, когда они вернутся в имение, и что еще поручить Жаку с Жанной.

Экипаж сбавил темп, легко дернулся и остановился. Винсент вышел первым, услужливо придержал дверцу. Оглядевшись, Алан увидел, что повозка остановилась у Южного моста, рядом со спуском, ведущим к небольшой пристани. Начал накрапывать привычный для Нэрфиса дождь, смывая с брусчатки остатки почти растаявшего снега, стекающего по каменным ступеням веселыми ручейками, чтобы раствориться в водах каналов. Легким кивком поблагодарив «Коралловых стражей» за почетный эскорт, Рэвендел в сопровождении дворецкого спустился к воде. Поднятые беспокойным ветром волны с тихим шелестом облизывали камни высоких стен канала, и у самого причала, слегка покачиваясь, Рэвендела ожидала лодка «Летучих рыб» и четверо солдат. Трое из них расположились на корме лодки, где, сгорбившись над мотором, сидел гном-механик, недобро косящийся в сторону Алана, и еще один стоял на самом носу.

– Рады приветствовать вас, – поклонившись, произнес солдат, стоящий на носу лодки. – Я Брион Наро, сержант «Летучих рыб», а это мои люди. – Он указал рукой в сторону остальных солдат, и те так же почтительно склонили головы перед Рэвенделом, даже гном стянул с лысой головы свою шляпу.

«Летучие рыбы», использующие огнестрельное оружие и другие механизмы, не очень жаловали волшебников, и те отвечали им тем же. К тому же у магов, имевших безупречную родословную и власть, не было ни малейшего повода уважать солдат, которых набирали из обычных жителей города. Алан редко обращал внимание на чье-либо происхождение, но, пахнущие потом и алкоголем, небритые и неопрятные, патрульные внушали ему отвращение.

– Доброго дня, – несмотря на неприязнь, спокойно ответил Рэвендел, отметив, что у сержанта при себе нет огнестрельного оружия, только кривая сабля в простых ножнах.

– Чтобы побыстрее добраться до Доков, мы решили использовать моторную лодку, надеюсь, вас не затруднит расположиться со мной на носу? – заискивающе поинтересовался Брион, явно опасаясь, что благородный господин может отказать ему.

– Ваше стремление похвально, сержант, – холодно бросил Алан, глядя в настороженные глаза солдата. Тот явно ожидал от представителя знати любых капризов, которые он, учитывая свое положение, должен будет исполнить. – Я не против того, чтобы составить вам компанию. – Рэвендел легко прошел по узкому трапу и немного пригнулся, чтобы не задеть головой низкий навес. Оказавшись в лодке, он заметил, как напрягся гном, явно ожидая, что его машина сразу же пойдет ко дну. Ровное рычание мотора и правда начало срываться, поэтому Алан прошел к носу лодки, чтобы не навредить механизму. Однако сделал он это нарочито неспешно, демонстрируя тем самым свое безразличие к проблемам солдат. Переступая через скамьи и наскоро прижатый к бортам хлам, Рэвендел отдалился от гудящего мотора. Стоило магу занять свое место, как мотор радостно заворчал, набирая обороты.

– Благодарю вас за понимание, – не смог сдержать облегченного вздоха сержант Брион, наверняка отдавший свою пистоль тем, кто находился на корме. – Мы можем отплывать?

– Конечно. – Алан наблюдал за тем, как капли дождя врезаются в водную гладь, разбрасывая кругом прозрачные брызги.

Сержант сделал знак гному, и тот вновь склонился над мотором. Закончив возиться с механизмом, гном поднялся по тонкой лестнице в кабину. Лодка ощутимо завибрировала под ногами пассажиров и неспешно начала двигаться вперед, постепенно набирая скорость. Вода за бортом забурилась, а дождевые капли начали с силой колотить по смотровому стеклу. Дождь усиливался.

Лодка «Летучих рыб» мчалась вперед, а все остальные, увидев эмблему патруля, сразу же сбавляли ход и жались к высоким стенам каналов, пропуская солдат. Вблизи Дворцового острова почти все лодки ходили на веслах, поэтому гром мотора был слышен издалека. Небольшие транспортные суденышки с готовностью растекались в стороны, а их экипаж провожал бодро скачущую по волнам лодку настороженными взглядами. По правому борту пронесся

остров Площади, и лодка нырнула под мост, соединяющий квартал Знати с Храмовым. Миновав еще один мост, более широкий, нежели предыдущий, гном направил лодку вправо, разминувшись с тяжелым судном торговой гильдии, чье величественное здание вырисовывалось на горизонте, выглядывая из-за чуть менее роскошной резиденции гильдии Кукольников. Взглянув направо, Алан сразу же увидел возвышавшуюся над городом Башню Безысходности. Высокая и черная, она довольно зловеще выглядела на фоне мрачного небосвода, именно в этот миг рассеченного сверкающей молнией. Громыкнуло, и небо словно расколосось на несколько неровных частей.

Оставив одну из твердынь культа Блинецов позади и поднырнув под очередным мостом, лодка повернула влево, двигаясь вдоль Доков. Постепенно сбавляя скорость, она остановилась на пристани, между кварталом Механиков и Доками.

– Прибыли, господа. – Сержант Брион наблюдал за тем, как его люди подтягивают лодку к пристани за тяжелые тросы и устанавливают трап. – Нам следует продолжить дежурство, говорят, что у Свалки сейчас неспокойно. Вас встретят на пристани и проводят к месту.

– Удачной охоты, сержант. – Даже не взглянув на поклонившегося солдата, Алан покинул лодку, заметив, как гном-механик сразу повеселел, незаметно сплюнув в воду.

– И вам, господин Рэвендел, – произнес Брион в спину удаляющемуся Алану.

Не успели Рэвендел и его дворецкий ступить на твердые камни пристани, как трап за их спинами тут же убрали и лодка с гулом унеслась прочь.

– Не нужно, – Алан жестом остановил Винсента, готового открыть над его головой зонт.

Пожав плечами, дворецкий рода Рэвенделов повиновался. Едва он успел опустить зонт, как по каменным ступеням вниз сбежали двое солдат. Остановившись на почтительном расстоянии, они стянули шляпы и склонили головы. У них также имелись нашивки «Летучих рыб».

– Доброго дня, господин Рэвендел, – заискивающе улыбнулся молодой солдат, сдвигая кобуру с пистолем подальше набок, словно пряча драгоценное оружие за своим телом. – Ваш экипаж готов.

Ничего не говоря, Алан прошел мимо солдат и, поднявшись наверх по скользким от воды ступеням, вошел в распахнутую перед ним дверцу экипажа. Дождевая вода стекала с его длинных черных волос, скатываясь по плащу, но Рэвендел не придавал этому значения точно так же, как весьма озадаченным взглядам солдат, обращенным на его спину. Алан знал, как к нему относятся в Нэрфисе и за его пределами, знал о самых различных слухах, распускаемых за его спиной, знал и презирал окружающих за трусость. Немногие могли нормально общаться с загадочным молодым человеком, не пресмыкаясь перед ним и не дрожа от страха. Рэвендела раздражало подобное малодушие, но он часто задавался вопросом: как бы поступили жители Нэрфиса, если бы узнали, что большинство из слухов – лишь слабое отражение реальности и в действительности все гораздо страшнее, чем они привыкли думать? Дождь безостановочно бил в крышу повозки, безуспешно стараясь прорваться внутрь, но Алану это даже нравилось. Скверная, по мнению большинства горожан, погода была одним из того небольшого, что действительно нравилось Рэвенделу. Погруженный в свои мысли, Алан не заметил, как экипаж остановился. Лишь вежливое покашливание Винсента вывело его из раздумий.

Покинув карету, Алан, ни на кого не обращая внимания, быстро направился туда, где уже скопилась большая толпа народа. Кто-то из зевак, обернувшись, узнал приближающегося молодого человека, и по толпе пронесся настороженный шепот. Люди оборачивались на Алана, сразу же опуская взгляд и расходясь перед ним в стороны.

Тело лежало в груде мусора, занимавшей угол между стеной, за которой проходил канал, разделяющий Доки и Очистные сооружения, и старым зданием, где ранее располагалась администрация верфи. Теперь обветшавшая постройка пустовала, служа приютом разнообразному сброду, по каким-то причинам не нашедшему себе пристанища в трущобах.

К месту происшествия, как водится, подходило все больше и больше любопытных, но они держались на почтительном расстоянии, опасаясь пистолетов и сабель «Летучих рыб». Самые любознательные из жителей Нэрфиса были поглощены зрелищем настолько, что даже не среагировали на предостерегающие реплики, продолжая изучать место преступления. Двое вояк, сопровождавших Алана, собрались было расчистить благородному господину путь, но тот жестом остановил их и, как ни в чем не бывало, пошел вперед. Какой-то старый моряк, чье лицо сплошь покрывали оспины, все же обернулся на звук уверенных шагов. Его водянистые глаза расширились, а выпавшая из задрожавших рук бутылка, громко звякнув, разбилась о брусчатку, разбрызгав кругом остро пахнущую алкоголем жидкость. Испуганно попятившись, моряк врезался спиной в чью-то спину, и обернувшийся мужчина, побледнев, разом забыл все слова, которые хотел высказать нескладному увальню. По толпе вновь пробежал взволнованный гул, и зеваки проворно прыснули в стороны, пропуская господина в черных одеждах. Алан не обращал внимания на настороженные взгляды и нервный шепот. Глядя прямо перед собой, он шел к лежащему в грязи телу.

– Часы! Мои часы остановились! – запинаясь, прошептал кто-то из толпы.

– И мои тоже! – поддержал его женский голос.

– Смотрите на трость, это же он!

Гул стал громче и оживленнее, но прозвучавший выстрел заставил всех замолчать.

– А ну-ка заткнулись все! – рявкнул мужчина с пышными седыми бакенбардами, облаченный в теплый плащ с нашивкой «Летучих рыб».

– Как вы смеете, я из... – выскочивший было вперед щеголь в блестящем дорогом костюме и смешной шляпе, похожей на котелок, поспешно шагнул обратно, едва не врезавшись в возвышающегося над ним человека, закованного в тяжелую броню.

«Молот», несший службу в квартале Механиков и Фабрик, также прибыл на место преступления. Массивные, сверкающие от масла доспехи, под чьими пластинами пробегали ровные дорожки проводов, чем-то отдаленно напоминали рыцарские, но были гораздо крупнее. Облаченный в них человек на три головы возвышался над толпой, легко покачивая тяжелым молотом.

– Здесь произошло преступление, и любой, кто мешает следствию, будет считаться нарушителем! – продолжил солдат с бакенбардами.

– Норман Бартлиби, – шепнул на ухо Алану Винсент, – капитан «Летучих рыб».

– Я помню его. – Алан кивнул.

Рэвендел вышел вперед, остановившись между толпой и солдатами, давая рассмотреть себя.

– А, господин Рэвендел! – Подслеповато шурясь, Норман Бартлиби сделал несколько шагов в направлении Алана. – Рад видеть вас в добром здравии. Мы ждем вас, тело не трогали.

– Я польщен, – сухо произнес Алан, пропустив приветствие и заставив старого стражника свирепо сверкнуть глазами, а его подчиненных заметно напрячься.

В сопровождении Винсента Рэвендел медленно пошел вперед, стуча тростью о брусчатку и с чувством превосходства наблюдая, как патрульные уступают ему дорогу. Даже гигант в доспехах посторонился, правда, шаги его теперь были более скованны, поскольку броня отказывалась привычно функционировать в присутствии мага. Но одно из последних изобретений Механиков, разработанное при помощи Кукольников и чем-то напоминавшее их марионеток, являлось довольно устойчивым к волшебству. Только непосредственный контакт с магом мог серьезно навредить броне, а от близости волшебства на тяжелом доспехе разве что появилась бы легкая ржавчина.

Однако Алану не было до этого никакого дела. Сейчас его интересовал только труп. Тело лежало у основания огромной кучи всевозможного ржавого хлама. Остатки внутренностей, зацепившиеся за острые выступы и оставшиеся висеть наверху, свидетельствовали о том, что

труп сбросили вниз, с этой самой кучи. Склонившись над телом, Алан отметил ровные края ран – резали чем-то очень острым. Совершенно точно это не работа клыков или когтей. Обрубок шеи также был идеально ровным. На окровавленной одежде кое-где виднелись прилипшие, очень длинные волнистые волосы, ровно срезанные с одной стороны.

– Борода, – Винсент аккуратно снял один волос и, дунув на него, отправил в свободное путешествие под ставшим порывистым ветром. – Словно бритвой.

– Капитан, – позвал Алан, выпрямившись.

– Да? – Седой стражник незамедлительно приблизился.

– Вы осмотрели стену с той стороны?

– Послали лодки сразу же, как только узнали о теле. Никаких следов. Сейчас мои люди вместе с «Молотом» прочесывают Фабрики и Очистные.

– Надеетесь отыскать следы заблудших? – с легкой иронией поинтересовался Алан, впрочем, его собеседник не заметил скептического настроения Рэвендела.

– Мы считаем, что это их лап дело, господин! – мрачно кивнул Норман Бартлби. – Не далее как вчера они вновь вырвались за пределы Свалки! Возможно, они напали на мастера Мистха Гурег и, убив его куклу, забрали его с собой, а теперь вот, поиздевавшись, выбросили к нам.

– В таком случае, возможно, у вас найдется объяснение и тому, почему заблудшие ополчились на гильдию Кукольников, зачем им сердца марионеток и с каких пор они не пожирают тела тех, кого убили? – ехидно улыбнувшись, полюбопытствовал Алан, и стражник скрипнул зубами. – К тому же наши соседи никогда не останавливались на одном убитом.

– Это они, больше некому! – с нажимом произнес Норман. – Наверняка что-то замышляют! Они...

Откуда-то из толпы послышались еле сдерживаемые рыдания, и спустя мгновение из плотного кольца зевак вырвалась растрепанная немолодая женщина. Ее плащ с эмблемой гильдии Кукольников был распахнут и слетел с плеч, удерживаясь лишь на тонкой перевязи, впившейся женщине в шею, но она этого не замечала. Взгляд заплаканных глаз замер на обезглавленном теле, и дрожащие руки медленно поползли вверх, скрывая содрогающиеся в безмолвных стеланиях губы.

– Мистх... – еле слышно прошептала женщина. – Мистх! – Позабыв обо всем на свете, она бросилась к телу мертвого Кукловода. Ее забрызганное грязью легкое домашнее платье, совершенно не соответствующее погоде, развевалось под порывами ледяного ветра, а босые окровавленные ноги подгибались.

– Остановить! – Бартлби указал пальцем в сторону женщины, и сразу же двое его подчиненных заступили ей дорогу.

– Эмма Гурег, – подсказал Алану Винсент, – супруга Мистха.

– Я помню, – Алан наблюдал, как двое солдат пытаются скрутить почти обезумевшую от горя женщину.

Эмма оступилась и растянулась в грязи Доков. Прижатая сверху весом сильных мужчин, она не переставала рыдать и бороться. Солдаты еле сдерживали ее. Неожиданно над головами собравшихся мелькнула тень, и рядом с распластавшейся на земле женщиной появилась высокая фигура. Пара длинных изогнутых, словно у насекомого, конечностей заменяла существу ноги, а вполне человеческие руки, заканчивались пугающими клешнями. Треугольная голова с четырьмя немигающими глазами быстро повернулась в сторону Эммы.

– Креона! – задыхаясь, прохрипела женщина, все еще удерживаемая солдатами. – Помогите мне!

Неизвестное существо, коротко замахнувшись, ударило одного солдата ногой, отчего тот отлетел далеко назад. Гибко склонившись над вторым стражем, та, кого Эмма Гурег назвала

Креоной, сомкнула одну из своих клешней на его шее, остановившись в самый последний момент, чтобы не убить человека.

Прогремел выстрел, и высокая грудь существа взорвалась черными брызгами.

– Кто стрелял?! – взревел Норман Бартлби. – Прекратить!

Но было уже поздно.

От боли огромная клешня Креоны инстинктивно сжалась, и голова солдата, гулко ударившись о камни, покатилась в сторону. Увидев смерть товарища, «Летучие рыбы» открыли огонь по убийце. Напоминающее насекомое существо прижалось к земле, накрыв собой безостановочно кричащую Эмму, вздрагивая каждый раз, когда пули врезались в него. Свистящие пули, не попавшие в цель, с громкими шлепками входили в стену обветшавшего здания верфи. Вот одна из них срикошетила, и кто-то из зевак взвыл от боли.

– Прекратить! – Бартлби, едва не задев Алана, бросился к своим людям, ударами рук опуская стволы пистолей и раздавая подзатыльники.

Одна из шальных пуль попала в босую ногу Эммы, и та закричала от боли. Мгновенно выпрямившись, израненная Креона с поразительной скоростью бросилась на солдат, и, прежде чем те успели понять, что происходит, один из них лишился руки по локоть, а другого клешня пробила насквозь. Подоспевший солдат «Молота», широко размахнувшись, ударил своим паровым оружием в голову существа, свернув ее в сторону, однако Креона все еще продолжала сражаться. Оттолкнув поднимающего свой молот бойца, странное существо обезглавило еще одного солдата, ударило задней конечностью в грудь другого и, ослепленное болью, бросилось на спокойно стоящего в стороне Алана.

– Не стоит, – бросил Рэвендел заслонившему его Винсенту, и дворецкий покорно отступил.

За мгновение до удара Алан выставил перед собой левую руку в черной перчатке. Клубившиеся у ног молодого человека тени скользнули вверх по его телу и, пройдя через него, вырвались из раскрытой ладони. Они ударили Креону в израненную грудь, и та словно врезалась в невидимую стену. Тело существа содрогнулось, и оно рухнуло к ногам Алана.

– Креона! – Эмма кое-как встала и бросилась было вперед.

Подоспевший Бартлби ударил ее рукоятью сабли по затылку, и женщина беззвучно осела на землю.

– Взять ее! – во всю глотку заорал Бартлби, зло глядя на своих подопечных. – Идиоты!

Солдаты быстро бросились выполнять распоряжение капитана, а сам он подбежал к невозмутимо стоящему на своем месте Алану.

– Оно мертво?! – Сабля в руках капитана «Летучих рыб» коснулась шеи неподвижной Креоны.

– Да, – односложно ответил Алан, и в его голосе зазвенела сталь. – Потрудитесь объяснить, капитан, как вы допустили подобное? Ранение вдовы господина Мистха Гурег и убийство ее куклы за столь короткий промежуток времени. Надеюсь, сама Эмма Гурег жива и вы не проломили ей череп?

– Но ведь она... это вы убили куклу! – Глаза Нормана Бартлби бегали из стороны в сторону.

– У меня не было выбора. Я защищал свою жизнь, так как ваши люди не смогли этого сделать. – В тоне Рэвендела сквозило неприкрытое презрение, когда он окинул взглядом суетящихся солдат. – По вашей вине я отнял жизнь у марионетки, стремившейся лишь защитить свою хозяйку.

– Но... все произошло так быстро, я пытался, и вы могли бы вмешаться раньше...

– Довольно оправданий, капитан, – процедил сквозь зубы Алан. – Каждый из нас делает свою работу, и я здесь не для того, чтобы успокаивать кого-то. Следить за порядком в Доках – прямая обязанность вас и ваших людей. Почему-то происшедшее меня не удивляет. «Летучие

рыбы» давно забыли, что значит долг, слишком часто путая его с походами по кабакам! Я уверен, «Коралловые стражи» прочтут все ваши мысли в вашем рапорте. Я же осмотрю тело, и, надеюсь, на этот раз ваши люди не допустят того, чтобы мне помешали. – Не дожидаясь ответа, Рэвендел отвернулся от солдата.

– Будет исполнено. – Нормана трясло от бессильной злости. Больше всего на свете ему хотелось вонзить клинок или выстрелить в надменное лицо зазнавшегося юнца, смеявшегося публично унижить его, капитана «Летучих рыб». Неожиданно перед свирепым взглядом солдата возникло улыбающееся лицо дворцового Рэвендела.

– Вы ведь не станете делать чего-то, что расстроит меня или моего господина? – невинно поинтересовался Винсент, и Норман, не ответив, отвернулся, с трудом подавив подступавший к горлу гнев.

Винсент насмешливо погрозил хмурым солдатам пальцем и быстро догнал Алана, стоявшего над трупом Мистха Гурега. Лицо Алана было спокойным, словно ничего не случилось.

– Хочешь спросить, почему я не остановил все это раньше?

– Нет, господин, – покачал головой Винсент. – Как слуга рода Рэвенделов я приму любое ваше решение. К тому же куклу все равно уничтожили бы за убийство стражников, а ее бедную хозяйку скорее всего заперли бы в залах Безысходности. Теперь же, благодаря вам, вся вина ляжет на капитана стражи. По сути, вы спасли бедную вдову, правда, ценой жизни ее марионетки.

– Как всегда, пронизателен. Другого ответа я и не ожидал, – мрачно изрек Алан, глядя на лежащий у его ног труп. – За все в жизни нужно платить. – Он коснулся своего костюма в области груди. – Но иногда приходится расплачиваться и за чужие ошибки.

– В случившемся нет вашей вины.

– Мне все равно, Винсент. Я давно позабыл, что это такое – чувство вины, – холодно ответил Алан, наблюдая, как ручеек крови, смешиваясь с грязью, стекает с бледной руки мертвеца и устремляется вниз, с пологого склона, пропадая между щелей сточного люка. Кровь уважаемого человека, занимавшего не последний пост в весьма значимой для Нэрфиса гильдии, смешиваясь с нечистотами огромного города, уносилась по мутным ручьям канализаций в Очистные сооружения, где... Неприятная догадка поразила Алана, и он резко дернул головой, следуя взглядом за алым ручейком.

Едва Рэвендел проследил ток крови, как крышка канализационного люка, расположенного чуть в стороне от того места, где стражники остановили Эмму Гурег и куда стекал кровавый ручеек, взлетела высоко в воздух. Не успел тяжелый металлический люк упасть, как из черной дыры канализации выскочили два жутких существа. Они выглядели как громадные, красноглазые волки, стоящие на двух лапах. Их передние конечности бугрились тугими жгутами мышц, а длинные острые когти нервно подрагивали. Разинув клыкастые пасти, существа громко взвыли, и откуда-то из-под земли им ответил нестройный многоголосный вой.

– Заблудшие! – истошно завопила какая-то женщина из толпы зевак.

Мгновенно наступила паника.

Первый из оборотней, уже полностью изменившийся и навсегда утративший человеческий облик, метнулся на звук женского голоса, наотмашь хлестнув длинными когтями по горлу высокого полуэльфа в черном цилиндре, нехотая оказавшегося у него на пути. Головной убор слетел со светлых волос, и кровь брызнула во все стороны. Первая жертва еще не успела испустить дух, как заблудший впился клыками в шею все еще кричащей женщины, вырвав из нее кусок плоти.

– Это прорыв! – словно очнувшись, заорал Норман Бартлби. – К оружию!

Гигант в паровой броне обрушил свой молот на выпрыгнувшего из люка заблудшего, но тот ловко ушел от удара и, миновав закованного в латы противника, бросился на беззащитных людей. В толпе началась давка, кто-то упал, но не успел подняться и был затоптан теми,

кто спокойно стоял рядом с ним всего минуту назад. Под визг испуганных голосов из люка выпрыгивали все новые и новые таври. Кто-то из них все еще сохранял частицы человеческого облика, то были замотанные в грязные тряпки люди, с горящими безумием глазами, со ржавыми ножами в руках и бесноватой улыбкой на губах. Они, подобно зверям, кидались на всех подряд, опрокидывая жертв на землю и впиваясь в них уже заострившимися зубами.

«Летучие рыбы» попытались дать отпор. Загремели выстрелы пистолей, послышался лязг высвобождаемых из ножен клинков, а в небо взмыл яркий алый шар, разорвавшийся на множество таких же, но поменьше. Напоминающий праздничный салют, этот сигнал вовсе не нес никому из жителей Нэрфиса радости, он обозначал лишь одно – прорыв заблудших.

Алан неподвижно стоял среди кровавого безумия, наблюдая за жутким пиршеством заблудших и за тщетными попытками людей спастись. Он видел, как от толпы отделились три человека. Один – высокий полный мужчина преклонных лет, в дорогом костюме и с дымящейся сигарой в зубах. Он выхватил из-за пояса украшенную драгоценными камнями пистоль и с азартной ухмылкой выстрелил. Однако выстрелил он вовсе не в одного из заблудших, а в солдата «Летучих рыб», который вместо того, чтобы защищать гражданских, решил накинуться на них с обнаженным оружием. Получив пулю в грудь, страж зашатался, и спустя мгновение его голову снес с плеч широкий топор, которым размахивал здоровяк с коричневой кожей, заслонивший собой мужчину в дорогом костюме. Просторный плащ упал в грязь, и воин выпрямился в полный рост. Покрытая светлыми татуировками темная кожа лоснилась от дождя и пота, а огромный топор разбрасывал заблудших, словно те были тряпичными куклами. Из-за широкоплечего воина вышел скрюченный темнокожий старик, чье морщинистое лицо так же, как лицо его могучего собрата, покрывали причудливые узоры белых татуировок. Он взмахнул изогнутой клюкой со множеством черепков на конце, и Алан ощутил всплеск странной магии. Троицу неизвестных окружил зеленоватый купол, и кровожадные твари принялись биться о его стенки, словно о непреступную баррикаду.

– Держать строй! – пытался перекричать нарастающий шум Норман Бартлби. Он выхватил саблю и закричал еще раз, призывая своих людей держаться вместе. Сразив ближайшего оборотня, оказавшийся довольно неплохим фехтовальщиком, капитан «Летучих рыб» встал между Аланом и все увеличивающейся стаей заблудших. Пятеро солдат, услышавших приказ капитана, заняли позиции по бокам от него, грудью встретив заблудших, кидавшихся на все живое. Разрядив пистолы, воины могли больше не опасаться близости мага, ввязываясь в рукопашный бой.

– Они не продержатся, – равнодушно заметил Винсент, легким движением руки отбрасывая в сторону обезумевшего от жажды крови заблудшего, прорвавшегося мимо «Летучих рыб». – Твари лезут на запах крови. Вмешаетесь?

Солдат, стоявший слева от Нормана Бартлби, пронзительно вскрикнул и повалился на землю, пытаясь зажать рваную рану на груди. Но никто не спешил ему помочь.

– Пожалуй, – кивнул Алан, глядя, как солдат «Молота», в поврежденной броне, все еще отбивается от облепивших его заблудших. – Винсент, мне нужна эта тварь, причем живой. – Алан тростью указал на одного из заблудших, взваливающего на плечо обезглавленное тело Мистха Гурега.

Словно почувствовав, что говорят о нем, еще не совсем потерявший человеческий облик мужчина затравленно огляделся и, встретившись взглядом с Аланом, вздрогнул всем телом. Оскалившись, он продемонстрировал острые клыки, мигнул узкими ярко-красными глазами и, взмыв в воздух, одним прыжком оказался на высокой стене, отделяющей Доки от водного канала, за которым раскинулись Очистные сооружения. Миг – и заблудший исчез из виду.

– А тело? – Сняв очки, Винсент быстро протер их не глядя и убрал в нагрудный карман. Все внимание дворцового было приковано к участку стены, где только что стоял заблудший.

– Не нужно, только эта тварь.

– Будет исполнено, мой господин. – Склонив голову, Винсент зашел за спину Рэвенделу и пропал, а спустя мгновение в воздух над головой Алана взлетел черный ворон, устремившийся к Очистным сооружениям.

– Прошу! Ради Близнецов сделайте что-нибудь! – умоляюще прокричал Норман, обернувшись в сторону все еще бездействующего Рэвендела, провожающего взглядом иссиня-черную птицу.

– Ради них я уж точно ничего не сделаю, – Алан презрительно фыркнул, глядя, как смерть забирает тех, кто сам пришел посмотреть на нее. – Впрочем, – взирая на кровавую бойню, Рэвендел чувствовал, как в нем пробуждается древняя неуправляемая сила, требующая крови и жертв. Желание убивать было настолько сильным, что Алан, хищно улыбаясь, позволил себе воплотить его в жизнь. Тени за клубились под ногами Алана, стекаясь к нему отовсюду. Они облизывали его начищенные до блеска ботинки, взбираясь по выплаженным брюкам, окутывая его тело. Белки молодого человека заволокла тьма, вскоре поглотившая и его голубые глаза.

– В сторону! – властным голосом потребовал Алан. Он говорил негромко, но знал, что его услышат.

Вновь обернувшись к Рэвенделу, Норман Бартлби замер с открытым ртом, смертельно побледнев и выронив окровавленную саблю. Не в силах выносить леденящий душу взгляд черных немигающих глаз, капитан «Летучих рыб» потупился, и его сердце замерло в груди. Несмотря на то, что сквозь темные тучи не пробивалось ни одного солнечного луча, под Рэвенделом четко вырисовывалась тень, причем совсем не человеческая: у нее были длинные изогнутые рога, широко распахнутые крылья и огромные когти. Два фиолетовых глаза взглянули на Нормана из тьмы и тут же погасли.

– Пошли прочь, жалкие черви! – взревел Алан низким, хриплым и полным злости голосом. Из-под тонких губ молодого человека показались клыки, и на этот раз от него пятились не только солдаты, но и сами заблудшие.

Не успел капитан «Летучих рыб» прийти в себя, как Рэвендел каким-то непостижимым образом оказался между его людьми и застывшими напротив них заблудшими.

– Раз уж вы решили выползти из своих нор, так потешьте меня! – От смеха Алана у солдат по спине пробежал холодок.

Самый крупный из заблудших, стоящий впереди оборотень, чей серый мех покрывала еще теплая кровь, оскалился и бросился на нового противника. Алан небрежно отмахнулся рукой от нависшего над ним страшного существа, и тонкий, словно сплетенный из теней, жгут рассек мускулистое тело на две половины, которые безвольно грохнулись в грязь. Узкая полоска тьмы изогнулась и, повторяя движение правой руки Алана, наотмашь хлестнула попятившихся заблудших. Раздался многоголосный визг боли, и толпа диких существ, некогда бывших людьми, прыгнула в стороны, зажимая кровоточащие раны. Кто-то лишился рук и лап, кто-то головы, а кто-то отделался глубокими ранами.

– Как смеете вы стоять передо мной?! – грозный голос, не принадлежащий Рэвенделу, но исходящий из его уст, сотряс стены близлежащих строений Дока.

Алан с поразительной скоростью метнулся вперед. Ухватив ближайшего оборотня за толстую шею, он легко поднял его над землей, заглядывая в красные, горящие безумием глаза. Заблудший испуганно забился в железной хватке человека, не в силах оторвать взгляд от его черных глаз. Мощным толчком бросив скулящую тварь далеко вперед, Алан вытянул руку и сжал ее в кулак. Вопящий заблудший повис в воздухе, прямо над головами своих неуверенно пятящихся собратьев. Стоило пальцам Рэвендела сжаться, как метнувшиеся с земли тени окутали дергающегося оборотня, и его отчаянные крики стали едва слышны.

– Никто не смеет бросать мне вызов, – прошипел Алан, но все присутствующие услышали его. – Никто! – громче повторил молодой человек, разжав кулак.

Кровавый дождь и куски плоти одного из заблудших посыпались на головы его сородичам, окончательно посеяв панику в их сердцах. Сотканные из тьмы жгуты еще трижды ударили по толпе, и громкий смех Алана заглушал вопли боли и отчаянья. Тьма окутывала мохнатые тела, рвала их на части и швыряла в разные стороны, словно изломанных кукол. Заблудшие метались по маленькой площади, пытаясь залезть обратно в люк, из которого вылезли. Они грубо отпихивали друг друга, но неизменно погибали, не успев скрыться в спасительных стоках. Некоторые оборотни запрыгивали на стены, но щупальца тьмы, разрастающиеся из-под тени Рэвендела, настигали их и там. Они тугими жгутами скручивали тела заблудших, и было слышно, как хрустят ломающиеся кости. Воздух быстро наполнился металлическим запахом крови. Вдыхая столь влекущий аромат и наслаждаясь безумными воплями заблудших, умирающих в страшных мучениях, Алан прикрыл глаза от удовольствия. Жажда убийств охватила его, манила дальше, лишала рассудка, но Рэвендел собрал волю в кулак, и все прекратилось. Беснующиеся вокруг тени послушно стеклись к его ногам, оставляя после себя кровавые следы и изувеченные тела. Потрясенные жители Нэрфиса с ужасом взирали на следы кровавой бойни, не решаясь поднять глаза к человеку в черной одежде, невозмутимо зажавшего трость под мышкой и поправляющего шейный платок.

Давящую, напряженную тишину разорвал вой сирены, за которым угадывался звук мотора механических лодок, мчащихся по водам каналов, за высокой стеной. Среди прочих звуков выделился нарастающий стук копыт, и спустя несколько мгновений конный разъезд «Летучих рыб» охватил небольшую площадь ровной дугой. Подрагивающие ружья солдат были обращены к серому небу, а сами они, широко открыв глаза, взирали на кровавый ужас, распластавшийся под копытами их коней. Кого-то стошнило. Краем глаза Алан уловил размытое движение слева и почти сразу же увидел человека в плаще гильдии Кукольников за спинами солдат. Рядом с ним застыла его марионетка, напоминающая огромного муравья. Кукловод учтиво склонил голову перед Рэвенделом, и тот, коротко кивнув, отвернулся.

– В чем дело? – резко спросил Алан, выводя присутствующих из состояния оцепенения. – Объяснись, солдат. – Он указал тростью в сторону пожилого мужчины в мундире лейтенанта «Летучих рыб», который, отвернувшись от бойни, наставил подобранную с земли грязную пистоль на того самого человека в дорогом костюме, ранее выстрелившего в солдата. Черный гигант, замерший рядом с улыбающимся стариком, закрыл его собой, бесстрашно глядя на целящегося в него лейтенанта.

– Не заставляй меня повторять! – на лицо Алана упала мрачная тень.

– Оуэн, отставить! – Опомнившийся Норман Бартлби подскочил к своему подопечному и рывком опустил его подрагивающую пистоль. – Что здесь... – он осекся, взглянув на мужчину в дорогом костюме. – Ты?!

– Он застрелил Дарскира, я сам видел! – На дрожащих губах лейтенанта появилась довольная ухмылка, а его опущенная было пистоль вновь поползла вверх.

– Это правда, господин Осьминог? – Теперь и Норман не скрывал улыбки, а его ладонь красноречиво легла на эфес сабли, сейчас покоящейся в ножнах. – Убийство одного из стражей – серьезное преступление.

Конники «Летучих рыб» направили оружие на странную тройцу, но два темнокожих человека и господин в дорогом костюме и глазом не моргнули.

– Даже мэр и сам король не закроют на такое глаза. – Улыбка капитана стражи стала шире.

– Да неужели? – голос пожилого мужчины в дорогом костюме звучал спокойно, даже угрожающе.

– По закону Нэрфиса я могу убить тебя на месте, ты... – Норман сделал шаг вперед.

– Довольно! – Алану надоело смотреть на разыгрывающийся перед ним спектакль. – Ваш солдат, капитан, бросился на мирного гражданина без видимых на то причин, так что тот вынужден был защищать свою жизнь. Я видел это лично.

– Что?! – зрачки Нормана расширились. – Вы не могли этого видеть!

– Хотите сказать, что я лгу? – голос Рэвендела зазвучал тверже. Он шагнул навстречу капитану стражи, и тот неуверенно попятился.

– Но этот человек... – глядя себе под ноги, промямлил Норман Бартлби.

– Невиновен в убийстве вашего солдата. Более того, из-за вашей некомпетентности ему самому пришлось защищать свою жизнь. За что вы и ваши люди получают жалованье, капитан?

– Вы не понимаете...

– Вы хотите оспорить мои слова? Давайте попросим аудиенции у Его Величества. Поверьте, я смогу ее добиться, и как вы думаете, чьим словам поверит король? – Тонких губ Рэвендела коснулась победоносная, надменная улыбка. – Знайте свое место, капитан, – жестко добавил он. – Прикажите подчиненным убрать здесь все и постарайтесь не допустить нового прорыва, – с этими словами Алан резко развернулся, и стоявшие за его спиной солдаты сразу же уступили ему дорогу.

– Не повезло тебе, Норми. – Пожилой мужчина поправил шляпу и весело подмигнул злобно смотрящему на него капитану стражи. – Мурга, Гранга, пойдемте. – На прощание козырнув Норману Бартлби, мужчина удалился восвояси, и его темнокожие спутники отправились следом за ним.

– Капитан... – Молодой солдат из прибывшего недавно патруля приблизился к Норману Бартлби. – Третий патруль.

– Молчать! – брызнув слюной, заорал капитан стражи. – Оцепить здесь все! Трупы убрать! Выполнять! Быстро! – Выпустив злость на подчиненного, Норман не ощутил облегчения. Злобно зыркнув на удаляющуюся фигуру Рэвендела, он сплюнул под ноги. – Даже Близнецы не ведают, как я ненавижу вас, проклятые благородные ублюдки, – прошептал он, бессильно пнув обломок кости, оказавшийся под сапогом.

...Алан проводил взглядом пронесшийся мимо него экипаж со знаком гильдии Кукольников. Возница стегал лошадей без устали, и те, словно одержимые, несли карету по широким дорогам Доков, в ту сторону, откуда недавно пришел сам Алан. Видимо, в гильдии недавно узнали о случившемся. Что же, по крайней мере, «Летучие рыбы» хотя бы удосужились сообщить Алану о найденном теле в первую очередь, быстрее, чем кому-либо еще. Слухи, конечно, расходятся ненамного медленнее, иначе как еще объяснить присутствие вдовы Гурег на месте преступления? Рэвендел собирался подыскать себе достойный экипаж, когда прямо перед ним остановилась черная отделанная бархатом карета, запряженная четверкой вороных жеребцов. Лакированная дверца с изображением весов, символа Богов Близнецов, бесшумно приоткрылась, и в лицо Рэвенделу ударил едва уловимый запах тлена.

– Рад приветствовать вас, господин Рэвендел, – тихий, шелестящий шепот, доносящийся из тьмы, царившей внутри кареты, казалось, одновременно звучал и в голове Алана.

– Не могу сказать того же, лорд Тэрис.

– Вы, как всегда, не слишком вежливы, – в голосе лорда зазвучала усмешка. – Не откажете ли мне в любезности проследовать в наш храм и объяснить, что здесь произошло. – Несмотря на вежливую форму, предложение звучало как приказ.

– Я не обязан отчитываться перед вами и тем более выполнять ваши распоряжения! – с вызовом произнес Алан. – Если вы не следите за ситуацией на улицах – это не мои проблемы.

– Однако тьма в вашем сердце...

– Как вы сами изволили только что заметить, это – мое сердце.

– Господин Рэвендел, – примирительно произнес скрывающийся во мраке глава темного культа Близнецов. – Давайте не будем усложнять друг другу жизнь, в конце концов, я лично прибыл, чтобы пригласить вас в гости. Прошу, не откажите мне в любезности, к тому же мы закончили с допросом того преступника, которого вы привели вчера.

– Хорошо, лорд Мортимер, если вы столь настойчиво приглашаете меня *в гости*, – Алан выделил это слово, – то я не могу отказать вам в этом. – Он легко забрался внутрь кареты, и черная дверца бесшумно закрылась за ним.

Глава 4

Гости

Башня Безысходности возвышалась над Нэрфисом почти с момента основания города. Она темным безмолвным стражем неизменно стояла в храмовом квартале, на отдельном острове, к которому вел лишь один мост. Если посмотреть на город сверху, то было видно, что сам храм Богов Близнецов – служит весами, а залы Безысходности и залы Надежды – чашами. Светлый и Темный Близнецы отождествляли собой добро и зло, жизнь и смерть, день и ночь, правду и ложь. Точно так же, как свет не может быть без тьмы, без смерти – нет жизни, а без жизни – нет смерти, так и один Близнец не может существовать без другого. Но все должно быть уравновешено. «Если лжи станет больше, чем правды, то наступит хаос, а если правды окажется больше, нежели лжи, то случится то же самое, ибо нельзя жить в мире без лжи, так как преисполнен он будет горькой правды, не прикрытой от слабого человеческого разума, который не сможет долго выносить существующую действительность», – так было написано в едином учении жрецов. Культ Богов Близнецов свято верил, что стоит одной из чаш весов перевесить другую – неизбежно наступит Апокалипсис. Жрецы неустанно наставляли жителей Нэрфиса на путь истинный, стремясь сохранять пусть и шаткую, но все-таки гармонию.

Однако обитатели темных и светлых жрецов разнились между собой так же, как день отличается от ночи.

В отличие от мрачных залов Безысходности, залы Надежды были почти точной копией главного храма Нэрфиса. Высокое здание, больше напоминающее собор, пятинефную базилику, выполненную так же, как большинство зданий Нэрфиса, в готическом стиле. Высокий шпиль главной башни венчали серебряные весы, остальные шпили украшали серебряные же звезды. Алан хорошо помнил великолепные витражи, украшающие высокие стрельчатые окна. Он часто любовался ими в детстве, пока состоял на службе, куда его постоянно водил дед или родители. Рэвендел живо мог представить себе огромное изваяние двух безликих человеческих фигур, установленное в нартексе залов Надежды. Оно изображало двух близнецов, стоявших друг напротив друга и удерживающих замершие весы в равновесии. Алан вспомнил, как, будучи мальчишкой, он сидел на холодной скамье, в середине центрального нефа, ожидая, когда его дед выйдет из исповедальни, расположенной за рядом ровных колонн, отделяющих левый неф от основного. Он слушал монотонное пение хора, расположившегося где-то наверху и скрытого от его глаз. Разглядывая украшенное мозаикой помещение, маленький Алан с нетерпением ждал возвращения деда, стремясь покинуть эти пусть и красивые, но неизменно давящие на него стены. Задыхаясь от запаха благовоний, Алан иногда даже затыкал уши, чтобы не слышать пения, разносящегося под высокими потолками залов Надежды. Самое главное было сделать все незаметно, желательно спрятавшись за спинку скамьи, иначе, если дед узнает о том, как вел себя Алан – непременно накажет.

Поначалу Алану нравились облаченные в светлые одежды улыбчивые люди, со светлоголубыми символами на лице. От них веяло спокойствием и добротой, а их прикосновения всегда были такими теплыми, но потом все это исчезло, когда он смотрел в улыбчивые лица держащих его людей и, заливаясь слезами, чувствовал, как плавится его плоть под раскаленным металлом. Больше Алан ничего не помнил, он потерял сознание от боли, а когда очнулся, оказалось, что прошло уже три дня, и все это время над ним совершали различные очищающие обряды, призванные изгнать скверну из его крови.

Но жители Нэрфиса не разделяли неприязнь юного Рэвендела ни тогда, ни сейчас. Со всего города в залы Надежды стекались больные, ищущие покаяния люди, нуждающиеся в чем-то большем, нежели обычная служба в главном храме, в который и ходили-то крайне редко.

В отличие от первой чаши весов, залы Безысходности так же оправдывали свое название. В это мрачное, выполненное в виде единой башни строение свозили всех преступников и неугодных власти граждан. Мало кого из них видели после того, как решетка жуткой башни опускалась за его спиной.

С залами Безысходности у молодого человека тоже были связаны не самые приятные воспоминания. Как только он получил клеймо, его каждый месяц водили в Черную башню, где плохо пахнувшие жрецы в черных балахонах придирчиво осматривали мальчика, ежегодно обновляя это клеймо. Алану было жутко, страшно, одиноко, но ни его дед, ни отец и даже ни мать не хотели слушать его. Их не трогали слезы ребенка, умоляющего не водить его на страшные острова, они были одержимы идеей очистить свою кровь.

«Тщетно», – грустно подумал Алан, сидевший в удобном кресле и ожидавший, когда лорд Мортимер Тэрис вернется в свой кабинет, располагавшийся на вершине башни Безысходности. Даже самым влиятельным людям Нэрфиса путь сюда был заказан, разумеется, если их не приглашал лично глава темного культа. Алан провел довольно долгое время, погруженный в невеселые воспоминания, прежде чем резная дверь бесшумно отворилась и внутрь помещения вошел лорд Мортимер. Точнее, «вошел» – не самое подходящее слово. Жрец скорее плыл по воздуху, а его ног не было видно из-под черных лохмотьев, едва касавшихся отполированного до блеска пола. Фигура главы культа проплыла по кабинету, столь мрачному, что он больше походил на склеп, нежели на обитель того, кто ежедневно вершит судьбы десятков людей.

«Впрочем, Смерть также вряд ли сидит в вычурных покоях», – Алан едва заметно улыбнулся, столь меткому сравнению. Действительно, иначе как самой Смертью лорда Мортимера Тэриса назвать было нельзя. Пусть Рэвендел никогда полностью не видел его лица, сокрытого за безликой маской, но он знал, что хозяин Черной башни давно утратил не только человеческий облик, но и многое другое, не чуждое живым существам.

– Прошу меня простить за то, что заставил вас ждать, – прошелестел в голове у Алана тихий шепот. Лорд Мортимер обогнул лакированный черный стол и расположился на неудобном стуле, больше напоминающем какой-то пыточный аппарат.

– Ничего страшного, лорд Тэрис, я не скучал, – учтиво улыбнулся Рэвендел. – К тому же у вас здесь довольно весело. – Он обвел многозначительным взглядом просторное, лишенное окон помещение, где единственной мебелью служило кресло, в котором сейчас и сидел Алан, да стол со стулом, занимаемым хозяином кабинета. Висящие под потолком огненные шары лишь добавляли мрачности и без того давящей обстановке.

– Весело... – эхом повторил Мортимер, слегка подавшись вперед и положив острые локти на гладкую столешницу. – Помнится, раньше вы не находили эту башню веселой, – доносящийся из-под маски голос ничего не выражал. – Но, как я вижу, многое изменилось, вы стали сильнее. Сегодня вы сдержались, но что будет дальше? Может, все же прислушаетесь к моему совету и восстановите символ?

– Клеймо, – спокойно поправил собеседника Алан. – Называйте вещи своими именами, лорд Мортимер.

– Как вам будет угодно. Ради вашей безопасности и безопасности окружающих вашу силу следует ограничить.

– Разве мы пришли сюда говорить об этом? – скучающим тоном поинтересовался Алан, поглаживая голову ворона на своей трости. Ему не нравился тон собеседника, словно Мортимер Тэрис знал что-то, чего не знал Алан. Знал и упивался этим. – Мне казалось, что вы звали меня в гости и хотели поделиться результатами допроса. – Рэвендел решил держать себя в руках.

– Результатов нет, – жестко отрезал Мортимер, откинувшись на спинку стула. – Приведенный вами преступник слишком быстро умер, и мы не сумели ничего узнать.

– Как это знакомо, – иронично заметил Рэвендел, вставая со своего места. – Какое поразительное совпадение – очередного покушавшегося на меня преступника смерть забрала к себе раньше, чем он успел открыть рот, точно так же, как пару десятков тех, кто был до него. Вы ничего не знаете, прямо как тогда, когда погибли мои родители или родители Кристины.

– Позвольте, вам известно, что виновные были пойманы и наказаны.

– Исполнители умерли еще до появления солдат, а заказчиков никто не нашел. – Наконец трости Алана ударили по полу, и резкий звук эхом отскочил от голых стен. – Или сказал, что не нашел. – Он многозначительно посмотрел в черные прорези, служившие глазами безликой маске.

– Все так же одержимы мстью, как много лет назад, – прозвучал мягкий голос, и в помещении из ниоткуда появился еще один посетитель. Опрятный старец, с белоснежной бородой, синими рунами на добром улыбчивом лице и светлыми, почти белыми глазами. На нем была невесомая белая туника, а в руке он сжимал прямой серебряный посох. – Бедное дитя, – босые ноги вновь прибывшего легко и едва слышно касались ониксовых плит, когда тот шел вперед.

– Лорд Арнувий, добро пожаловать в мою обитель. – Мортимер поднялся со своего места.

– Башня так же, как храм – обитель Блинецов, отнюдь не наша, вам ли этого не знать, уважаемый лорд Мортимер? – Пусть мужчина в белых одеждах тщательно прятал свои эмоции за добродушной улыбкой, Алан точно знал, ему не нравится находиться в этом месте. Лорд Арнувий Далгрин, глава светлого культа, не очень-то жаловал темного коллегу.

– Ваши слова, как всегда, истинны, – не стал спорить Мортимер. – Но я уверен, Блинецы простят мне сказанное.

– Ибо они все милостивы, – довольно кивнул Арнувий.

– Не буду мешать вам, господа. – В отличие от глав культа, Алан не делал вид, что ему приятно находиться в их обществе.

– Я бы попросил вас еще немного задержаться, – мягко произнес Арнувий. – Я хотел бы взглянуть на вашу печать, господин Рэвендел.

– К вашему сожалению, я не разделяю подобного стремления. – Не оборачиваясь, Алан двинулся к дверям, но те вдруг пропали, а на их месте появилась гладкая стена.

– Мы настаиваем, – шепот лорда Мортимера стал громче.

– Меня это не волнует. Я служу лишь королю и самому себе. – Обернувшись, Алан с вызовом взглянул на собеседников.

– Короля здесь нет, юноша. – Теперь улыбка лорда Арнувия не казалась такой доброй, постепенно она сползла с его открытого лица.

– И за вас некому заступиться, здесь – наши владения. – Мортимер поднялся и, перелетев через стол, замер рядом с главой светлого культа.

– Я и сам смогу постоять за себя, господа. – Взгляд Алана оставался холодным. Он стукнул тростью о гладкие плиты, и висящие под потолком огни, как по сигналу, погасли. – Или вы считаете, что поймали меня в ловушку? – В крошечной темноте зажглись два горящих злобой фиолетовых глаза.

– Не глупите, вам не покинуть эти покои живым. – Серебряный посох Арнувия засиял, разгоняя тьму, но та лишь слегка отпрянула, став еще гуще.

– Так же, как вам, – голос Алана изменился, стал жестче.

– Не глупите, думаете, что сможете противостоять нам? – Арнувий говорил спокойно и уверенно, а на его добродушном лице не дрогнул ни один мускул, лишь густая борода и длинные седые волосы развевались в стороны под воздействием пробужденной внутренней силы.

– Если бы вы могли меня убить, то давно уже сделали бы это, но вы слишком боитесь короля. Цепляетесь за свою власть и трясетесь за свои никчемные жизни.

– В своем ли вы уме, господин Рэвендел? Мы же хотим вам помочь, спасти вашу душу...

– Не вам говорить мне о спасении, лорд Мортимер.

– Вы не понимаете, как далеко зашли, позвольте нам оказать вам помощь! Мы лишь хотим...

– ...подчинить меня, – закончил за Арнувия Алан. – Подчинить так же, как моего деда и отца. Король предупреждал меня, что рано или поздно вы попытаетесь это сделать, но, увы, я вынужден огорчить вас.

– Стало быть, вы подчиняетесь королю, смертному, презрев истинных богов? – Лорд Арнувий напрягся. – Это богохульство!

– Правда? – Не выдержав, Алан громко рассмеялся, но его смех стих так же внезапно, как начался. – Шутки кончились, господа.

– Хватит! – Посох лорда Арнувия вдруг погас. – Довольно, господин Рэвендел, вы можете идти.

В помещении вновь вспыхнули огни. Они осветили улыбающегося Рэвендела, и главы культа увидели, как тени, танцевавшие на стенах, неохотно сползаются, сливаясь с тенью Алана.

– Всего хорошего, господа. – Двери за спиной Рэвендела отворились, и он, слегка склонив голову, покинул ониксовую комнату.

– Разумно ли было отпускать его? – прошептал Мортимер, и его маска повернулась к Арнувию.

– Пусть верит, что силен и в состоянии если не победить, то серьезно потрепать нас. Король уделяет мальчишке слишком много внимания, чтобы мы могли с ним что-нибудь сделать. К тому же Алан Рэвендел по-прежнему нужен нам.

– Возможно...

– Пес не так страшен, пока он на цепи. – Арнувий шумно выдохнул. – А еще Рэвендел нужен королю, – старец улыбнулся в бороду.

– Жду не дождусь, когда все решится, мне уже надоели эти игры. Из них все сложнее извлекать хоть что-нибудь интересное.

– Тихо! – вдруг вскинул руку Арнувий, заметив, что у дальней стены шевельнулась крохотная тень. Подобно живому существу, она встрепенулась, вытянулась в узкую полоску и змеей выскользнула из комнаты.

– Скоро все закончится, – мрачно изрек лорд Мортимер. – Или, наоборот, только начнется, – добавил он, поправив серебряную маску.

Спускающийся по винтовой лестнице, Алан мрачно ухмыльнулся...

– Уже вернулись, господин? – вежливо улыбнулся Винсент.

Дворецкий Рэвендела замер рядом с экипажем, стоявшим недалеко от моста, ведущего на остров с башней Безысходности.

– Как видишь, – отозвался Алан. Он обернулся и взглянул на возвышавшееся над Нэрфисом мрачное строение, темным силуэтом выделявшееся даже на фоне серых дождливых туч. Дождь, ливший с самого утра, уже подрастерял свой былой задор и теперь лишь слабо моросил, бросая крохотные водяные кристаллы в лица жителям Нэрфиса. После мерзкого, пропитанного разложением и тленом воздуха залов Безысходности морская свежесть казалась Алану одним из самых замечательных ароматов на свете. Ему хотелось постоять на улице подольше, подставив лицо дождю и ветру, но на это не было времени.

– Ах, – грустно вздохнул Винсент, – вы так быстро выросли и теперь уже не нуждаетесь в моей защите, господин. Все, что мне остается, так это продолжать служить вам, пока...

– Опять ты за свое? – Алану показалось, что Винсент вот-вот вытащит из кармана белоснежный платок и сотрет готовую пролиться слезу. – Прекрати это представление. Ты выполнил мое задание?

– Как грубо! – недовольно фыркнул дворецкий, разом прекратив быть сентиментальным. – Разве я хотя бы раз подводил вас, господин? – Винсент распахнул дверцу экипажа. – Как вы и приказывали – гость ожидает в поместье. Жак и Жанна составляют ему компанию, чтобы он не скучал.

– В таком случае не станем заставлять его долго ждать, это невежливо. – Сделав несколько шагов к карете, Алан остановился, вглядываясь в пространство перед собой, где капли дождя бесследно исчезали, не долетая до земли, и даже вода в большой луже оставалась гладкой.

– Похоже, у вас сегодня не один гость, господин, – произнес Винсент, глядя, как из мутной лужи вырастает сгорбленная человеческая фигура.

– Здравствуй, Повелитель теней, – уже знакомый Алану темнокожий старик, которого он видел в Доках, в компании гиганта с топором и мужчины в дорогом костюме. – Мое имя Гранга, и я пришел с миром, чтобы сказать тебе кое-что. – Он говорил с сильным акцентом, нещадно коверкая слова, но его речь все же оставалась вполне понятной.

– Какое звучное прозвище, – Винсент позволил себе легкую улыбку и отошел немного в сторону, чтобы не стоять между Рэвенделом и странным человеком.

– Слушаю. – Алан с возрастающим подозрением смотрел на темнокожего старика, изучавшего его заинтересованным взглядом. – Зачем я понадобился одному из щупалец Осьминога?

– Он просил поблагодарить вас за помощь в сегодняшней неловкой ситуации. Также он просил передать, что восхищен вашей силой и приглашает вас посетить его скромное обиталище.

– Интересно, – Алан ничем не выдал заинтересованности в подобном предложении, хотя она была. В конце концов, никогда еще он не получал приглашения в гости от главы преступного мира Нэрфиса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.